

Джейн Остин

РАЗУМ И ЧУВСТВА

СЕДЬМАЯ КНИГА

Джейн Остин

Разум и чувства

«Седьмая книга»

1811

Остин Д.

Разум и чувства / Д. Остин — «Седьмая книга», 1811

Что важнее при выборе спутника жизни – чувства или разум? Да и в самой жизни, собственно, чем лучше руководствоваться? «Разум и чувства» – типичная история своего времени. История матери и трёх дочерей, в одночасье оставшихся без мужской поддержки, и вынужденных самостоятельно пробиваться в жизни в непростой век, принадлежавший мужчинам. Нет, более прекрасного и вдохновляющего чувства, чем любовь. Любовь окрыляет и заставляет совершать безумные и жертвенные поступки, любовь способна преодолеть все преграды и предубеждения.

© Остин Д., 1811

© Седьмая книга, 1811

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джейн Остин

Разум и чувства

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Род Дэшвудов давно пустил корни на плодородных нивах юго-востока Англии и прочно обосновался в Сассексе. Из поколения в поколение почтенное семейство вело неспешную жизнь в усадьбе Норланд-Парк, расположенной в самом сердце семейных владений и надежно укрытой от штормов и ураганов грядой зеленых холмов.

Прежний владелец этого поместья – джентльмен преклонных годов так ни разу и не женился; на старости лет хозяйкой в усадьбе и верной помощницей во всех делах, стала его родная сестра. Но смерть разлучила их. Тогда одинокий старик пригласил к себе племянника Генри Дэшвуда, которому собирался передать поместье, как единственному наследнику и ближайшему родственнику. И это было разумное решение, так как судьба подарила ему – еще целых десять лет жизни, которые он провел в окружении близких людей.

Генри на тот момент сам был уже не молод, но в отличие от дяди, успел дважды жениться и стать отцом четверых детей. Первая жена подарила ему единственного сына, вторая – трех дочерей. Первенец Генри – сын Джон, как говорят в народе, «родился с серебряной ложкой во рту»: он унаследовал немалое состояние по материнской линии, затем удачно женился и поэтому его не особенно волновал вопрос, кто же в итоге получит этот милый Норланд. Но для его сводных сестер, это был главный вопрос. Их мать была небогата, а отец имел за душой только несчастные семь тысяч фунтов дохода, и то благодаря разумной щедрости своей первой жены. Она выделила их из наследства своего же сына с таким расчетом, чтобы мистер Генри не умер с голоду.

Состоятельный дядя стал последней надеждой Генри хоть как-то поправить свои финансовые дела.

И вот его дядя – почтенный старик ушел в мир иной, оставив после себя в этом мире не только воспоминания, но и завещание. Когда его огласили, близким родственникам, которые заботились о нем последние десять лет, осталось только смахнуть слезы. Старик не был до такой степени неблагодарным и непредсказуемым, чтобы совсем отказать племяннику в наследстве, но сам Генри явно рассчитывал на большее для себя, точнее, для своей второй жены и трех дочерей. Но, увы, богатый дядя распорядился иначе. Мистер Генри Дэшвуд, действительно, получал всё его имущество, но только при одном условии, которое перечеркивало все его планы. Он должен был в целости и сохранности передать Норланд своему внуку, когда тот достигнет совершеннолетия. Мистеру Генри запрещалось продавать земельные участки и даже торговать древесиной. Впрочем, сам внук – златокудрый мальчик четырех лет отроду, вряд ли оценил этот королевский подарок. В имение он гостил редко, вместе со своим отцом Джоном, но в эти короткие приезды сумел очаровать старика больше, чем все остальные родственники. Его капризы и детские шалости тронули старика больше, чем искренняя забота трех внуков. Впрочем, нельзя сказать, что он совсем позабыл их.

Трем девицам на выданье досталось по целой тысяче фунтов. Но, и только.

Сначала мистер Генри пришел в отчаянье, но скоро взял себя в руки и решил, что станет рачительным хозяином имения, рассчитывая на скромный, но постоянный доход с обширных земельных угодий. Но и этим мечтам не суждено было сбыться. Ровно через месяц племянник отправился вслед за дядей, оставив своей жене и трем дочерям только десять тысяч фунтов, включая и свою долю от предыдущего наследства.

На смертном одре мистер Генри умолял старшего сына позаботиться о своих сводных сестрах и мачехе. По правде сказать, Джон никогда не питал к ним родственных чувств, но клятвенно пообещал умирающему отцу выполнить его последнюю просьбу и даже сам в какой-то момент поверил в это.

Услышав это, отец, спокойно отошел в мир иной. А мистер Джон Дэшвуд не на шутку задумался, что же он действительно мог сделать для своих сестер.

Джона с детства считали славным малым, насколько это можно сказать о законченном эгоисте. Впрочем, его эгоизм до недавнего времени не вступал в противоречие с общественной моралью и Дэшвуд-младший всегда поступал порядочно по отношению к другим. Он был удивительно уравновешен и всегда руководствовался здравым смыслом, не догадываясь о том, что в природе существуют еще и смутные предчувствия, и прочие эмоции.

Его первая юношеская влюбленность закончилась скоропостижным браком. Женившись, он надеялся, что супруга не только станет одним из его главных личных достоинств, но и немного смягчит его природную рассудочность. Но миссис Дэшвуд оказалась пародией на него самого, эгоистичной, холодной и, в общем-то, недалекой особой. Впрочем, ее замужество все считали весьма удачным.

И вот теперь ее разумный Джон прикидывал, как выгоднее распорядиться долей наследства своих сестер и живо представлял, как будет чинно отсчитывать им три тысячи фунтов в год. Перспектива, иметь еще несколько тысяч вдобавок к своим доходам и половине оставленного покойной матерью состояния, согревала его душу и придавала уверенности в себе.

«Да, он будет выдавать им три тысячи фунтов, легко и красиво! Три тысячи фунтов! Да, он сможет пожертвовать такой суммой для трех бесприданниц, пусть даже немного и в ущерб себе!» – эта мысль, однажды посетив Дэшвуда-младшего, потом не раз вдохновляла его, и он никогда не сожалел о своем обещании умирающему отцу.

Не успели пройти похороны Генри Дэшвуда, как без предупреждения на пороге имения появилась жена Джона, та самая миссис Дэшвуд. Она приехала ни одна, а привезла с собой маленького сына и прислугу, всем своим видом давая понять, кто отныне в доме хозяин.

Никто не посмел бы спорить с ней, ведь после смерти Генри особняк принадлежал его сыну – ее мужу. Но такая бестактность со стороны невестки, больно ранило безутешную вдову.

Жена Джона никогда не имела близких родственных контактов с его семьей, и теперь получила прекрасную возможность показать им, как мало они для нее значат.

Несчастливая миссис Дэшвуд и ее дочери сразу оказались на положении бедных родственников. Униженная вдова поначалу решила навсегда покинуть это место, и только здравые рассуждения ее старшей дочери Элинон удержали даму от опрометчивого шага. «Нам необходимо пока остаться здесь и наладить отношения с Джоном, иначе мои девочки будут обречены», – убеждала она себя и с надеждой поглядывала на свою старшую Элинон.

Старшая из дочерей, девятнадцатилетняя Элинон была умна и рассудительна не по годам. Мать часто прислушивалась к ее советам. Она была девушкой добродушной и искренней, но никогда не давала воли своим чувствам и порой проявляла редкое для юной леди самовладение, непонятное для матери и совершенно неприемлемое для ее младшей сестры Марианны.

Марианна ни в чем не уступала старшей сестре, была умна и рассудительна, но уж очень впечатлительна и порывиста. Она ни в чем не знала чувства меры и при всех своих прочих достоинствах была полностью лишена главного достоинства Элинон – благоразумия. И в этом безрассудстве Марианна была вылитая мать.

Восприимчивость сестры внушала Элинон тревогу, но миссис Дэшвуд видела во второй дочери родственную душу и часто искала у нее утешения. Теперь они с Марианной неустанно поддерживали друг в друге бурную скорбь. Они не давали своему горю утихнуть и с жаром подбрасывали, как дрова в камин, всё новые и новые эмоции. Каждый день они горько и трепетно переживали свою утрату и, казалось, даже не допускали мысли о том, что этот испепеляющий изнутри огонь когда-нибудь может угаснуть.

Элинон тоже горевала всем сердцем, но старалась взять себя в руки. У нее хватало сил общаться со сводным братом, а также достойно встретить невестку и вести себя с ней, как

ни в чем не бывало. Она пыталась вразумить свою чувствительную мать, но та предпочитала страдать, иногда напоказ.

Маргарет, третья сестра, была доброй и милой девочкой тринадцати лет. Из двух своих старших сестер примером для подражания она выбрала романтическую Марианну и старалась во всем копировать ее.

Миссис Джон Дешвуд теперь вела себя как полноправная хозяйкой Норланда, давая понять свекрови и золовкам, что она всегда рада гостям, даже непрошенным, как они, была с ними вежлива, насколько у нее это получалось, а ее разумный супруг даже добр и снисходителен. Он искренне просил их считать Норланд своим домом, до тех пор разумеется, пока миссис Дэшвуд не найдет себе поблизости какое-нибудь жилье. Его приглашение, естественно, было принято. Впрочем, это трудное решение не противоречило чувствительной натуре миссис Дешвуд. Она стойко приняла необходимость жить там, где всё напоминало ей о былых радостях, и всецело отдавалась своей скорби, как еще совсем недавно беззаботному семейному счастью.

Правда, миссис Дэшвуд не одобрила желания супруга позаботиться о своих сестрах.

– Отнять целых три тысячи фунтов у собственного ребенка! Неслыханно! Пожалуйста, еще раз всё хорошенько обдумай. Какое оправдание может быть отцу, который ради сестер, да и то наполовину родных, обкрадывает свое единственное дитя? Ведь это же сумасшедшие деньги! Подумаешь, три сводные сестры. Да такое родство вообще никто родством не признает, а тут такая неслыханная щедрость! Давно известно, что между детьми от разных браков нет никакой привязанности и быть не должно. Почему же мы должны разорить себя и нашего бедного малыша Гарри, отдав все свои деньги твоим сестрам?

– Перед смертью отец просил меня, – ответил муж, – чтобы я помог его вдове и дочерям.

– Он, видно, не понимал, что говорит. У него, точно, был бред. Разве может человек в здравом уме просить собственного сына, чтобы он отдал половину своего состояния чужим людям!

– Но он не оговаривал какие-либо суммы. Моя дорогая Фанни, отец только просил меня позаботиться о них и сделать их жизнь более обеспеченной, чем сейчас. Ты считаешь, что всё это выглядит так, словно он целиком препоручил их мне? Нет-нет. Наверное, он хотел сказать, чтобы я просто присмотрел за ними. Пойми, он выпросил у меня это обещание, и мне ничего не оставалось, как согласиться. Поэтому я сделаю что-нибудь для них, когда они съедут от нас в новый дом.

– Что ж, хорошо. Но почему это «что-нибудь» обязательно должно равняться трем тысячам фунтов? Подумай еще раз, – добавила она, – если деньги один раз ушли, то назад они сами не придут. Твои сестры скоро повыскакивают замуж и тогда эти деньги пропадут навсегда. А на что будет жить наш бедный мальчик, если ты...

– Я подумаю, – мрачно ответил Джон. – Возможно, это обстоятельство в корне меняет дело. А ведь, действительно, могут наступить трудные времена, когда нашему Гарри не хватит именно этой суммы. Например, если у него будет большая семья, эти деньги стали бы ему неплохим подспорьем...

– Конечно, были бы...

– Ты знаешь, по-моему, будет лучше для всех, если расходы на каждую уменьшить вполтину. Вместо тысячи фунтов год, каждая получит по пятьсот. И этому они тоже будут несказанно рады.

– Дорогой, как ты великодушен! Не каждый брат пожертвовал бы такие деньги даже родным сестрам. А здесь такая щедрость к сводным сестрам. Поистине. У тебя величайшая душа!

– Ну, что ты, не стоит. Ведь я ничего такого и не совершил. Так на моем месте поступил бы каждый порядочный человек. Думаю, сестры на большее и не рассчитывают.

– Никто не знает, на что они на самом деле рассчитывают, – озабочено сказала леди, – но нас это не волнует. Нас волнует только твое «что-нибудь».

– Да, дорогая. Я думаю, что смогу себе позволить выплачивать сразу по пять сотен каждой. Таким образом, каждая из них абсолютно спокойно ко дню смерти своей матери получит более трех тысяч фунтов, достаточно уверенное будущее для любой женщины...

– Конечно, только представь, тогда они уже будут иметь на троих целых десять тысяч фунтов. А если девицы с умом выйдут замуж, то и подавно себя обеспечат. Ну, если и не выйдут, то, живя все вместе, неплохо протянут и на десять тысяч фунтов.

– Что правда, то правда. Я тут подумал, моя дорогая Фанни, может быть, стоит хоть что-то сделать и для их безутешной матери, которая теперь живет только ради детей. Пожалуй, какая-нибудь сотня фунтов в год вполне ее устроит?

Его жена, на минуту задумавшись, одобрительно кивнула.

– Да сто фунтов намного лучше, чем сразу же выплатить ей пятнадцать сотен фунтов, – сказала она, – хотя, если миссис Дэшвуд проживет пятнадцать лет. То это нам будет дорого стоить... Полторы тысячи фунтов...

– Пятнадцать лет! Нет, что ты это слишком, она не протянет и половины этого срока.

– Наверное, да. Но ты замечал, что люди всегда живут дольше, если имеют пожизненные выплаты. Она, кстати, еще очень крепка и не так стара, ей всего-то чуть больше сорока лет. Пожизненные выплаты любого заставят цепляться за жизнь и не умирать. Вспомни мою мать. Как она намучилась, когда по завещанию отца выплачивала пенсию его старым слугам. Ей приходилось платить им дважды в год, старики сами не могли являться за деньгами, и их надо было еще и отвозить им. А потом, помнишь, однажды кто-то сказал, что один из слуг умер. Ему перестали платить, и вдруг выяснилось, что он всё еще жив. Моя мать очень страдала от всего этого. Она говорила, что ее доходы ей в итоге не принадлежат, потому что всё время приходилось отрываться от себя ради бесполезной дряхлой прислуги. Этот случай научил меня на всю жизнь, и я сказала сама себе: «Всё! Ни за что на свете никому не буду платить никаких пенсий и пособий».

– Да, действительно, это всё так неприятно, – согласился мистер Дэшвуд, – иметь такую обузу. Бедная твоя матушка. Дважды в год строго по календарю расставаться с собственными деньгами! Такого и врагу не пожелаешь. Ведь это навсегда потерять свою независимость.

– И спасибо тебе за это никто не скажет. На твоём месте, я бы вообще не назначала им никаких ежегодных выплат. Кстати, нам самим это не всегда будет по карману, транжирить тысячу или даже пять сотен фунтов.

– Я думаю, что ты права, любовь моя, никаких ежегодных выплат, я буду выдавать им иногда немного денег, по мере наших возможностей. Так и нам будет легче, да и девицы научатся жить по средствам, и, может быть, сумеют даже что-то скопить. А рассчитывая на постоянный доход, они к концу года, будут все спускать до последнего пенса и ничего не оставят за душой. Да. Естественно, этот путь лучше! Пятьдесят фунтов в руке научат их бережливости, и в тоже время я полностью выполняю мое обещание умирающему отцу.

– Несомненно. По правде, говоря, я думаю, что твой отец на смертном одре хотел сказать тебе именно это, но не успел. Наверное, будь у него побольше времени, он посоветовал бы тебе поскорее найти для сестер славный маленький домик, перевезти их туда и время от времени навещать их там с гостинцами, вроде рыбы или тыквы, в зависимости от времени года. Главное забота, а не деньги. Рассуди сам: твоя мачеха и ее дочери могли бы жить на доходы от семи тысяч фунтов, помимо тысячи фунтов, принадлежащих каждой из девочек, получая раз в год по пятьсот фунтов, которые дочери, конечно же, разделят со своей матерью. Пять сотен дохода на всех, а что еще на земле нужно этим четырем женщинам? Да, они будут жить скромно, но на содержание дома им тратиться не надо, у них нет расходов на экипаж, лошадей, вина, слуг. А, как говорится, нет прислуги, нет расходов. Только представь на минуточку, как славно они

заживут! Пять сотен в год! Не могу себе даже представить, на что они могут потратить хотя бы половину этой суммы. Если ты дашь им больше, то это просто какой-то абсурд. Да они и сами могли бы тебе выплачивать что-то.

– Даю слово, что все будет именно так, – сказал мистер Дэшвуд, – как ты проницательна. Мой отец это и имел в виду. Теперь я полностью уверен в этом, и с радостью выполняю свое обещание, оказав им, помощь добротой и заботой. Когда моя мачеха переедет в новый дом, я подарю ей какую-нибудь мебель.

– Естественно, – подхватила миссис Дэшвуд, – Но только не захламляй ее дом старьем. Помнишь, когда твои родители переехали в Норланд, вся сарая мебель была продана. А вот фарфор, посуду, скатерти и постельное белье они привезли с собой, и теперь всё это хранится у твоей матери. Куда она всё это денет в новом доме? Да всё и не поместится...

– Над этим стоит подумать, без сомнения. Заметное наследство! Некоторые из этих блюд, насколько я припоминаю, могли бы идеально подойти к нашим сервизам.

– Да, да, да. А тот изящный чайный сервиз как раз подходит к интерьеру Норленда. Такое произведение искусства будет нелепо смотреться в скромном домике в деревенском стиле, куда они все вскоре переедут. Но ничего не поделаешь. Твой покойный отец думал только о них! И я думаю, что ты ему не обязан ничем. Потому что будь его воля, он бы все оставил только им.

Чайный сервиз и бессердечный отец – эти доводы окончательно убедили разумного Джона в правоте его жены. И он решил, лучшее, что он сможет сделать для своих сводных сестер и мачехи, это стать хорошим соседом.

Глава 2

Миссис Дэшвуд провела в Норланде еще несколько месяцев, но не потому, ей хотелось там оставаться. Хотя со стороны могло показаться именно так. Вдова стала спокойнее и всё реже предавалась скорбным воспоминаниям, но эти стены перестали казаться ей родными, и она добросовестно подыскивала домик поблизости. С ее скромным доходом это оказалось непросто. Следуя практичным советам своей старшей дочери, миссис Дэшвуд отказывалась от нескольких заманчивых предложений, которые им были не посредством, хотя эти уютные коттеджи так приглянулись ей.

Миссис Дэшвуд знала об обещании приемного сына позаботиться о них и верила в него также свято, как и ее покойный муж. Она была благодарна любой помощи, хотя предложенная им сумма была намного меньше семи тысяч фунтов, но вдова готова была жить и на эти деньги. Она благодарила Бога, что он послал ей такого великодушного пасынка, и корила себя за то, что раньше считала его не способным на благородный поступок. Впрочем иллюзии по поводу того, что Джон не оставит ее с дочерьми на произвол судьбы, не повлияли на ее отношения с невесткой.

Недоверие, которое она испытывала к своей невестке с первого дня их знакомства, росло с каждым днем с тех пор, как они стали жить под одной крышей. Две дамы смогли ужиться всего полгода. Возможно, они не выдержали бы и нескольких месяцев, униженная миссис Дэшвуд уже была готова поступиться правилами хорошего тона и своими материнскими чувствами, если бы не одно обстоятельство, которое, по ее мнению, оправдывало дальнейшее пребывание ее дочерей в Норланде.

Обстоятельством этим была взаимная симпатия между ее старшей девочкой и братом миссис Джон Дэшвуд, очень приятным и хорошо воспитанным молодым человеком. Его звали Эдвард Феррарс. Он появился в Норланде, вслед за своей сестрой и с тех пор почти постоянно гостил там.

Некоторые матери поддерживали бы выбор дочери, прежде всего по тому, что ее избранник Эдварда Феррарс, не только молод, но и богат. Как старший ребенок в семье после смерти отца – человека небедного, он мог претендовать на солидное состояние, но при этом оказался в крайней зависимости от собственной матери и довольствовался пока лишь двумя тысячами фунтов в год. Но для миссис Дэшвуд было не так важно, что у Эдварда за душой, как то, что у него в душе. Ей было вполне достаточно, что он влюблен в ее дочь, и она отвечает ему взаимностью.

Эдвард Феррарс не поразил Элинора с первого взгляда ни утонченностью манер, не аристократизмом. Он не был красив и не всегда мог преподнести себя, но стоило узнать его немного лучше, и сразу становилось ясно, что Эдвард – очень порядочный и открытый молодой человек, хорошо образованный, но при этом совершенно неамбициозный. Эта черта огорчала его мать и сестру, так как они непременно хотели видеть его на посту... и сами не знали на каком, только страстно желали, чтобы он стал заметной фигурой. Мать видела его известным политиком, членом Парламента или на худой конец серым кардиналом при какой-нибудь властной политической фигуре. Что же касается сестры – в замужестве миссис Джон Дэшвуд, то ее мечты было намного проще воплотить в жизнь. Ей хотелось, чтобы брат виртуозно управлял каретой. Сам Эдвард не испытывал ни малейшего интереса ни к политике, ни к лошадям. Он всегда оставался спокойным домашним мальчиком. К счастью у него был младший брат Роберт, подававший большие надежды.

Прежде чем миссис Дэшвуд обратила внимание на Эдварда, прошло несколько недель. Вдова всё это время скорбела, а молодой джентльмен жил с ней в одном доме бок о бок, но при этом умудрялся не привлекать к себе внимание. Он был настолько незаметным и спокойным,

что миссис Дешвуд даже полюбила его за это. Эдвард никому не мешал жить, и эта врожденная деликатность тронула ее до глубины души. Ее старшую дочь в нем с первого взгляда поразила другая черта – он был полной противоположностью своей сестре. Элинонор как-то в разговоре с матерью упомянула об этом, и тогда миссис Дешвуд впервые подумала о нем, как о вероятном будущем близком родственнике.

– Этого вполне достаточно, – сказала она немного смущенной дочери, – раз ты говоришь, что он полная противоположность Фанни. Я уже люблю его.

– Мама, ты скоро его полюбишь искренне, – ответила Элинонор, – когда узнаешь еще лучше.

– Полюблю его? – улыбнулась мать, – нет, я буду третьей лишней между влюбленными.

– Тогда ты будешь просто обожать его.

– Милая, но разве есть разница между обожанием и любовью.

С этого дня миссис Дешвуд стала привечать молодого человека и он, заручившись ее поддержкой, вскоре совсем забыл о своей застенчивости. Она же смогла оценить его достоинства, главным из которых было его отношение к Элинонор. Миссис Дешвуд даже перестала замечать его нежелание быть на виду, которое противоречило всем ее представлениям о светскости, приличествующей молодым джентльменам, и была счастлива, что ее девочка встретила такого сердечного и отзывчивого человека. Она не сомневалась, что Эдвард влюблен и даже подумывала о скорой свадьбе.

– Еще несколько месяцев, Марианна, – как-то сказала она, – и наша Элинонор выйдет замуж. Мы будем скучать без нее, но зато она станет счастливой.

– Ах, мама! Как же мы будем жить без нее?

– Но, душечка, мы ведь не разлучимся. Поселимся в двух-трех милях друг от друга и будем каждый день ходить друг к другу в гости. А у тебя, наконец, появится брат, истинно любящий брат. У него золотое сердце... Марианна! У тебя такой печальный взгляд! Неужели ты не одобряешь выбор своей сестры?

– Возможно, – сказала Марианна, – но я думаю, они не пара. Да, Эдвард очень мил, и я люблю его нежно. Но он не тот молодой человек, который нужен Элинонор... Ему чего-то не хватает... Ни стати, ни внешности, ни изящества манер. Она достойного лучшего. А он... Его глаза лишены такого блеска, который свидетельствует об уме и страсти. Но помимо всего этого, я боюсь, мама, что у него совершенно нет. Музыка его вдохновляет, живопись не трогает. Когда он хвалит рисунки Элинонор, то сразу видно, что он не смыслит в живописи ничего. Он говорит как влюбленный, а не как знаток. Не знаю, как Элинонор, но я не смогла бы жить с человеком, который не разделяет моих интересов. Он должен слушать ту же музыку, любить те же книги. Ой, мама! Как черство, как бездушно вчера вечером Эдвард читал нам книгу. Я чувствовала, как переживает из-за этого Элинонор. Да, ее это просто раздражало. Но ей приходилось скрывать это. Я едва усидела на месте. Такие замечательные, поэтичные строки он читал загробным голосом. Это почти убило меня, своей безразличностью!

– Но ему не нравится поэзия, он предпочитает простую и легкую прозу. Дай ему почитать Коупера, и, возможно, он изменит своё мнение.

– Нет, мам. Это не тот человек, который может прочувствовать Коупера. Он может только заметить разницу между поэзией и прозой. Впрочем, Элинонор не такая восприимчивая, как я и, как знать, возможно, поэтому она будет счастлива с ним. После вчерашнего монотонного чтения, я бы на ее месте даже разлюбила бы его! Но, увы, я в отличие от Элинонор, никого не люблю. Ах, мама, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что, наверное, никогда не встречу человека, которого смогла бы полюбить. Я хочу этого очень, очень! Пусть даже он будет немного похож на Эдварда, но только чтобы его манеры и поведение полностью соответствовали моему представлению о настоящем мужчине!

– Любовь моя, рановато разочаровываться в жизни, ведь тебе еще нет семнадцати лет. Почему тебе не быть такой же счастливой, как была твоя мать? Возможно, по какому-нибудь стечению обстоятельств, твоя судьба будет совсем другой, чем у Элинора, моя дорогая Марианна.

– Как жаль, Элинора, – вздохнула Марианна, – что Эдвард совершенно не чувствует живописи!

– Не чувствует живописи? – переспросила Элинора. – Почему ты так думаешь? Да, сам он не рисует, но работы других доставляют ему настоящее удовольствие, и, поверь мне, он не лишен вкуса, хотя ему и не представилась возможность развивать его. Если бы ему совсем немного подучиться, то я думаю, что он рисовал бы не хуже других. Но он так скромен и тактичен, что боится навязать своё мнение окружающим. Можешь не сомневаться, у него есть своё виденье живописи и врожденный вкус, которые помогают ему в жизни.

Марианна промолчала, чтобы не обижать сестру. То, что Элинора называла врожденным вкусом, совершенно не соответствовало тому восторженному чувству, которое и принято считать истинным вкусом, во всяком случае, так думала сама Марианна. «Разве может человек, молча и довольно равнодушно разглядывающий картины, иметь врожденный вкус?» – подумала она и улыбнулась про себя заблуждению сестры, но не осудила ее, а наоборот, восхитилась ее трогательной готовностью защищать Эдварда.

– Надеюсь, Марианна, – не сдавалась разгоряченная Элинора, – ты не считаешь, что Эдвард вообще лишен вкуса? Нет, конечно, нет, ты не можешь так думать! Ведь ты с ним очень мила, а если бы ты была о нем такого плохого мнения, то уж точно не смогла бы изображать дружелюбие.

Растерянная Марианна не знала, что ответить. Она боялась ненароком ранить сестру, но и солгать ей в глаза тоже не могла. В конце концов, собравшись с духом, она сказала:

– Не обижайся, Элинора, если я сейчас не говорю о нем так, как он этого, по-твоему, заслуживает. Просто я не так часто с ним общалась, как ты, и пока не сумела оценить его природный ум, кругозор и вкус. Однако я могу поручиться, что Эдвард обладает редкими душевными качествами и здравым смыслом, и сразу располагает к себе собеседника.

– Да, я думаю точно также, – кивнула Элинора с улыбкой, – Спасибо тебе за эти искренние слова. Даже лучшие друзья не смогли бы защитить его так, как ты. Я и не думала, что ты так ценишь его.

Марианна вздохнула с облегчением от того, что ее сестра успокоилась и заулыбалась.

– Да, его ум и доброта, – продолжала Элинора, – покорят любого. Достаточно всего раз поговорить с ним. Только застенчивость заставляет его порой молчать, но со временем понимаешь, как много может значить это молчание. Я так рада, что ты успела познакомиться с ним поближе и оценить благородство его души. Что же касается его интересов и вкуса, да, это верно, я общалась с Эдвардом гораздо чаще, чем ты... Но ведь ты поддерживала нашу мамушку в скорбный момент, и лучше тебя никто не смог бы ее утешить... Когда я лучше узнала Эдварда, то поняла, что он очень порядочный человек, прекрасно образованный, начитанный с широким кругозором. Ты не поверишь, но он остроумен, а его вкус! Вкус просто безупречен. Да, его трудно полюбить с первого взгляда, он не особенно красив и щеголеват. Но стоит хоть раз взглянуть в его ясные лучистые глаза, светящиеся добротой изнутри, как хочется смотреть в них снова и снова. Только тогда начинаешь понимать, как по-настоящему красив этот человек! Во всяком случае, очень привлекателен. А ты, Марианна, ты считаешь его красивым?

– Я думаю, что он весьма привлекательный, Элинора. Когда ты попросила меня полюбить его как брата, то я с радостью выполняю эту просьбу и перестану замечать отсутствие чувств на его лице, потому что начну видеть их в его сердце.

Элинора смутилась, в поисках взаимопонимания она зашла слишком далеко и, похоже, сказала сестре лишнее. Ей стало неловко от того, что она пыталась навязать свои чувства Мари-

анне, чтобы найти в ней родственную душу. Элинор слишком хорошо знала, что и сестра, и ее мать, согласившись с чем-либо в первый момент, во второй – уже твердо в это верят. Для них: желать – значило надеяться, а надеяться – получить. Поэтому она быстро попыталась исправить свою ошибку.

– Я не буду скрывать, – сказала она, опустив глаза, – что я очень уважаю Эдварда, и он мне очень нравится.

Марианна почти взорвалась от негодования:

– «Очень уважаю»! «Он мне нравится»! Ты просто бессердечная, Элинор! Нет. Ты хуже, чем бессердечная! Постыдись быть столь рассудительной! Ну, и слова ты нашла, ничего не скажешь, к месту! Еще раз их услышу и тотчас уйду из комнаты!

Элинор от души рассмеялась.

– Прости меня, – сказала она, – и постарайся понять. Ты увидела в моих словах бессердечность и холодный расчет? Это не так. Мои чувства искренни и сильны, но мне стало неловко, что я выставила их напоказ, тем более, пока их питает только надежда. Надежда на то, что я ему тоже небезразлична. Но пока не более того. Я стараюсь сохранять благоразумие, потому что иногда мне кажется, что его чувства ко мне не так глубоки. И пока он не объяснился открыто и прямо, не удивляйся, что я боюсь называть вещи своими именами, и не произношу это главное слово. Пока между нами лишь симпатия. В глубине души я не сомневаюсь... почти не сомневаюсь в его любви. Но ведь кроме любовных, есть еще и родственные чувства. С его матерью мы не знакомы. Но судя по тому, что Фанни порой рассказывает о ней, она не кажется мне добросердечной. И я не думаю, что сам Эдвард прекрасно понимает, какие испытания его ожидают, если он выберет невесту без денег и без титула.

Марианна была потрясена. Они с матерью оказались недалеко от истины.

– Так он еще не сделал тебе предложения? – удивленно спросила она, – но думаю, ждать осталось недолго. Всё что ни делается, делается к лучшему. Небольшая отсрочка даже кстати. Во-первых, мы не расстанемся с тобой так быстро, во-вторых, у Эдварда будет великолепная возможность до свадьбы довести свой врожденный вкус до совершенства. В будущем тебе это не помешает. Ах, если бы заставила взять его в руки кисти и краски! Как бы это было замечательно!

Но Элинор не разделяла восторженного настроения сестры и честно призналась ей, что не уверена, что их отношения с Эдвардом могут закончиться браком. Ее волновала сдержанность, которая иногда охватывала его, возможно, она не свидетельствовала о равнодушии, но все же ничего хорошего явно не сулила. Сомнения в ее взаимности, даже если он их испытывал, должны были вызвать у него тревожное волнение, желание добиться любимой, но не уныние и скуку, как это часто бывало. Разумеется, причиной его тоски могла стать зависимость от матери, не позволявшая ему дать волю чувствам.

Отношения с матерью у Эдварда были настолько сложными, что он редко переступал порог отчего дома и не спешил обзаводиться собственным, во всяком случае, до тех пор, пока не выполнит все надежды, которые возлагала на него мать. Вот почему Элинор не позволяла себе питать надежды на скорый брак. Иногда ей даже казалось, что Эдвард и вовсе не испытывает к ней каких-то особых чувств, как считали ее сестра и мать. Более того, чем дольше продолжалось их знакомство, тем менее ясным становилось его отношение к ней: увы, но робкая любовь постепенно превращалась всего лишь в дружбу.

Мать Эдварда настолько контролировала каждый шаг своих сыновей, что ее влияние на себе ощутили даже Элинор и ее мать. Миссис Дэшвуд однажды в разговоре недвусмысленно дала понять, как, по мнению миссис Феррарс, должны будут выглядеть будущие невестки. Ее мальчикам подойдут только состоятельные и разумные девицы, и они не позволят себя окружить их, кому попало. Намек был понят. Оскорбленная миссис Дэшвуд вышла из комнаты с единственным желанием – поскорее покинуть этот дом.

Обида еще не успела остыть, когда принесли письмо, только доставленное по почте, и оно оказалось как нельзя кстати. Ее дальний родственник – сэр Джон Мидлтон, состоятельный джентльмен из Девоншира предлагал ей на самых выгодных условиях снять у него небольшой летний дом. Он был готов привести в порядок коттедж, если только миссис Дэшвуд подойдет это жилище, и сделать всё возможное, чтобы нуждающаяся родственница почувствовала себя в Девоншире, как дома. Для начала он искренне приглашал миссис Дэшвуд с дочерьми погостить в Бартон-парке, его нынешнем имении, чтобы она сама решила, в какой перестройке нуждается Бартонский коттедж, прежде чем сочтет возможным переехать туда. Миссис Дэшвуд приняла это предложение, даже не дочитав письмо до конца. Если еще час назад она бы поколебалась стоит ли перебираться из Сассекса в далекий Девоншир, то после неприятного разговора с невесткой препятствие превратилось в преимущество. Они уедут подальше от Норланда. Ничего другого она теперь и не желала. Лучше покинуть навсегда это место, чем жить поблизости, приезжать сюда с лицемерными визитами и терпеть общество невыносимой Фанни. Она тотчас написала ответ сэру Джону и с благодарностью приняла его предложение, но прежде чем отправить письмо, решила посоветоваться с дочерьми.

Элинора поддержала ее, так как всегда считала, что лучше совсем уехать из Норланда, чем оставаться здесь в таком окружении. К тому же этот дом в Девоншире, по словам сэра Джона, был настолько скромн, а оплата такой маленькой, что возражений у нее не осталось совсем. Поэтому она не стала отговаривать мать, и письмо с согласием было немедленно отправлено.

Ответ в Девоншир еще не был отправлен, но миссис Дэшвуд не смогла отказать себе в удовольствии и гордо объявила за завтраком своему приемному сыну и его жене, что она подыскала прекрасный дом и сегодня же начинает готовиться к отъезду. Пасынок и невестка были настолько удивлены эти известием, что некоторое время не знали, что и сказать. Миссис Фанни так и не нашла нужных слов, а Джон после продолжительной паузы вежливо поинтересовался, как далеко от Норленда поселится его дорогая мачеха. Она ждала этого вопроса и торжественно произнесла, что переезжает в Девоншир. Пасынок и невестка снова потеряли дар речи, и только Эдвард вздрогнул от этих слов и инстинктивно наклонился к миссис Дэшвуд.

– *Девоншир*, – почти по слогам повторил он и, глядя в глаза миссис Дэшвуд, спросил, – Вы, действительно, хотите переехать туда? Но ведь это так далеко отсюда? А где в Девоншире Вы планируете поселиться? Я признаться, не очень хорошо ориентируюсь в тех местах.

– Мы будем жить в Бартоне, это в четырех милях к северу от Экзетера, – пояснила миссис Дэшвуд. – Правда, это всего лишь летний домик, небольшой уютный коттедж. Но я надеюсь, что многие из моих друзей навещают меня на новом месте. Я подумываю пристроить к дому еще одну или даже парочку комнат, так что места хватит всем. Главное, чтобы мои приятели не побоялись дальней дороги, а достойный прием я им всегда обеспечу. Дорогая Фанни, Джон, я надеюсь, что вы станете первыми моими гостями, – с легкой иронией произнесла леди, а затем, наклонившись к Эдварду негромко и ласково добавила. – А для вас, мистер Феррарс, двери моего нового дома всегда открыты, – После этих слов она приосанилась и выразительно посмотрела на миссис Дэшвуд, всем своим видом давая понять, что теперь для нее совсем неважно, одобряет Фанни возможный брак между Элинорой и Эдвардом или нет.

Торжественно объявив родственникам о скором отъезде, миссис Дэшвуд вдруг задумалась, а не поторопилась ли она так громко хлопнуть дверью? Ей так не хотелось разлучать Элинору и Эдварда. Словно почувствовав ее почти неуловимое сомнение, Джон стал уговаривать мать не торопиться с отъездом и даже подыскать другой дом рядом с Норландом. Похоже, он искренне жалел об отъезде мачехи и сестер и переживал, что не сможет выполнить обещание, данное отцу – обустроить их на новом месте. Джон рассчитывал сам перевезти мебель и вещи в их коттедж, но на семейном совете решили отправить багаж морем. Всё имущество четырех леди уместилось в одной большой лодке, куда погрузили кое-что из мебели, посуду, постель-

ное белье, скатерти и книги и, наконец, осторожно поставили, чтобы не повредить, пожалуй, самую ценную вещь – маленькое комнатное фортепиано Марианны.

Миссис Фанни по-хозяйски оглядела чужую поклажу и вздохнула с сожалением при мысли о том, что совсем скоро от нее уплывут эти чудесные сервизы, которые так замечательно смотрелись бы в ее новой гостиной. И она решила обязательно приобрести новую приличную мебель, чтобы не отставать от свекрови.

Миссис Дэшвуд сняла коттедж ровно на год. Домик оказался скромный, но опрятный, со всей необходимой мебелью, поэтому новым хозяевам оставалось только преступить его порог. Никаких формальных затруднений ни с той, ни с другой стороны не возникло, поэтому миссис Дэшвуд, прежде чем отправиться на запад, необходимо было распорядиться имуществом, которое не поместилось в лодку и решить, какая прислуга потребуется ей в Бартоне. Легкая на подъем и энергичная дама не привыкла откладывать дела в долгий ящик и поэтому, когда она что-то страстно желала, то благодаря своей предприимчивости получала весьма быстро.

Так лошади, оставленные ей покойным мужем, были выгодно проданы вскоре после его кончины, а теперь, по настоянию старшей дочери, она согласилась продать и карету, пока представлялся удобный случай. По правде сказать, она подумывала сохранить карету для дочерей, но послушала Элинора и назначила за нее хорошую цену. Старшая дочь также убедила ее не брать с собой всю прислугу, а ограничиться лишь двумя горничными и лакеем, из тех, кто верно служил им в Норланде.

Лакей и одна служанка тут же были отправлены в Девоншир, чтобы убрать дом к приезду своей госпожи. Миссис Дэшвуд решила сразу поселиться в собственном коттедже, предварительно его не осмотрев, так как полностью доверилась мнению сэра Джона. Кроме того, она не была знакома с леди Миддлтон и посчитала неудобным останавливаться у нее первое время в Бартон-парке. Тем временем приближался долгожданный день отъезда из Норланда, и довольная миссис Дэшвуд уже не скрывала радости, предвкушая счастливые перемены в своей жизни. Впрочем, как и ее невестка, которая тоже с нетерпением ждала, когда же они все, наконец, уедут. С той только разницей, что она открыто не выражала своих чувств и лишь изредка совершенно безразличным голосом предлагала свекрови и золовкам остаться. Все понимали, что в эти редкие мгновения ей движет не вежливость, а скорее привычка при встрече с родственниками перекинуться парой фраз. А поскольку других приятных тем для обсуждения у них не было, то дамы с удовольствием говорили о предстоящем переезде.

Пока Фанни замерла в ожидании, для Джона пробили час истины – он понял, что, наконец, выполнит обещание, данное умирающему отцу, и всю оставшуюся жизнь будет жить спокойно. Так как он не сделал этого, когда вступил в наследство, то предстоящее расставание могло стать прекрасным поводом исправить досадное недоразумение. Но Джон снова тянул время, и миссис Дэшвуд стала понимать по его постоянным намекам, что на большее рассчитывать не стоит, ибо он и так оказал им более чем достаточную помощь, почти полгода предоставляя стол и кров в Норланде. Пасынок, то и дело сокрушался, что жизнь дорожает с каждым днем, расходы по содержанию дома все время растут и что он, как человек, занимающий не последнее положение в свете, вынужден поддерживать свой имидж, что тоже стоит денег. Джон был так убедителен, что со стороны могло показаться, что он задавлен нуждой и вынужден считать каждый пенс.

День отъезда пришел также внезапно, как и приглашение из Девоншира. Не прошло и двух недель, как миссис Дэшвуд получила первое письмо от сэра Джона Миддлтона, как всё уже было готово к отъезду. Дом был убран, столовое серебро, скатерти и маленькое фортепиано Марианны доставлены, оставалось только прибыть самим хозяевам.

Как это часто бывает перед отъездом, радостное ожидание сменилось у дам ностальгией и две из них самые чувствительные, мать семейства и Марианна, даже всплакнули на дорожку.

– Милый, мой милый Норланд! – шептала Марианна, гуляя в одиночестве у порога отчего дома в последний вечер перед отъездом. – Мы еще не уехали, а я уже скучаю по тебе! Есть ли еще такое место на земле, где я снова смогу почувствовать себя дома. Милый сердцу уголок, возможно, я последний раз вижу тебя в сумерках вечернего сада и больше никогда не переступлю твоего порога. Тенистые аллеи, завтра вы будете также встречать тихим шелестом первые звезды, но всё это будет уже без нас, и ни один лист не упадет с этих густых крон от того, что нас здесь больше нет. Мы больше никогда не увидим вас, но кто ещё кроме нас сможет восхититься вами!

Глава 3

Рано утром подали экипаж. Миссис Дешвуд с тремя дочерьми, наспех простившись с Джоном и Фанни, отправились на Запад. Первую половину пути их одолевали тягостные чувства от этого поспешного и равнодушного прощанья, которое перечеркнуло последние десять лет их счастливой жизни, но чем ближе они подъезжали к Девонширу, тем легче становилось на душе. За окном кареты проносились сочные зеленые луга и перелески в легкой осенней дымке, а сам Бартон-Вэлли, как только они въехали туда, привел их в настоящий восторг. Первозданные густые леса и простор лугов, не знавших острой косы, сразу покорили впечатлительных леди. Проехав еще около мили, они, наконец, достигли собственного дома, который просто утопал в зелени. Высокая ограда была так плотно увита жимолостью и плющом, что они не сразу заметили среди бойкой листвы романтическую калитку, которая, казалось, сама приглашала усталых странниц войти.

Что касается самого дома, Бартон Коттеджа, то он был довольно маленький, но весьма уютный. Это был, в общем-то, обычный летний дом со всеми недостатками временного жилья: старая черепичная крыша, ставни, непокрашенные в зеленый цвет, как это приличествует особняку, и густо увитые плющом стены. Маленький коридор вел прямо через дом в такой же маленький сад. Справа и слева от него располагались крошечные гостиные, не больше восьми шагов в длину и столько же в ширину, за ними ютились подсобки, кладовые и узенькие лестницы на чердак. В доме были еще четыре спальни, для каждой из хозяек, и еще две комнатки на чердаке. Коттедж не выглядел старым и запущенным, даже наоборот, он содержался достойно, но, по сравнению с Норландом, он был невероятно беден. На глаза у леди Дэшвуд навернулись слезы, но, увидев своих слуг, она быстро смахнула слезинки и решила, что будет выглядеть счастливой. Тем более, хорошая погода располагала к безмятежности и тихому счастью в гармонии с природой. Стоял ранний сентябрь, теплый и сухой, и солнечные лучи сквозь едва желтеющую листву освещали их новое пристанище, которое они выбрали себе сами.

Осмотревшись, миссис Дешвуд пришла к выводу, что всё не так уж и уныло. Во всяком случае, место для строительства их коттеджа было выбрано идеально. Он находился в низине и был защищен от ветров высокими холмами, некоторые из них были распаханы, другие поросли высокой травой и лесом. Деревушка Бартон как раз находилась на одном из этих холмов и была видна из окон коттеджа, как на ладони. Чудесный вид на бескрайнюю долину, которая, казалось, начиналась прямо у порога их дома и заканчивалась где-то за горизонтом, завораживал романтично настроенных юных леди, а гряда холмов, тянувшаяся по другую сторону от коттеджа, вселяла в них чувство защищенности. Наиболее высокие из них растворялись в голубой дали. Но это был уже не Бартон, а совсем незнакомая им местность.

Размером дома и его обстановкой миссис Дэшвуд, как не странно, осталась вполне довольна. Теперь интерьер Норланда, созданный ею, представлялся ей вычурным. Правда, и здесь она испытала непреодолимое желание добавить уюта, и даже пересчитала деньги, специально отложенные на всякие милые безделушки, но в последний момент решила обустроить дом по-новому.

– Что касается дома, то он находится в хорошем состоянии, хотя и маловат для нашей семьи, – сказала она Элинора. Но сейчас осень, и уже поздно говорить о каком-то ремонте. Может быть, весной... Когда у меня будет достаточно денег, я, вероятно, кое-что здесь переделаю. Эти гостиные, обе, конечно, малы, для тех вечеров, которые я собираюсь давать для своих друзей. У меня есть мысль, одну гостиную разделить пополам, а затем соединить с коридором и второй гостиной. Тогда получится просторный зал, потом мы отдельно у входа пристроим еще одну художественную гостиную, и вместе со спальнями и комнатками под крышей – все это составит очень даже уютный коттедж. Еще мне бы хотелось, чтобы лестницы стали изящ-

нее. Но не всё сразу. В общем-то, заменить лестницы будет несложно. Всё упирается в деньги. К весне будет видно.

Забавно было слышать всё это от женщины, которая рассчитывала жить всего на пятьсот фунтов в год и при всех своих прочих достоинствах не смогла сэкономить в жизни ни одного пенса. А поскольку до весны было еще далеко, новые хозяйки коттеджа решили создать уют исходя из своих нынешних финансовых возможностей: расставили книги на полках, распаковали инструмент Марианны и водворили его на самое видное место, а в гостиной развесили рисунки Элинора. На следующее утро к ним заглянул владелец этого коттеджа – сэр Джон Миддлтон, подтянутый джентльмен лет сорока. Он поинтересовался, как дамы добрались, всего ли у них в достатке, и сообщил, что его дом и сад всегда к их услугам. Они виделись лишь однажды, много лет назад он приезжал к ним в Стэнхилл, но его кузина была еще так молода, чтобы почти не помнила этой встречи. Сэр Миддлтон держался непринужденно, но сразу стало понятно, что ему не безразлична судьба дальних родственников. Он честно признался, что хотел бы поселить их у себя, но поскольку дамы сразу решили жить самостоятельно, то он пригласил всех ежедневно обедать у него, пока они не обживутся на новом месте. Так как его приглашение звучало искренне, они охотно приняли его. А всего через час после ухода сэра Джона, из Бартон-Парка в коттедж доставили огромную корзину, полную фруктов из его сада. Он также взялся доставлять все их письма, приходящие почтой, пообещал каждый раз пересылать им свои свежие газеты и на словах передал просьбу леди Миддлтон. Она хотела познакомиться с семейством Дэшвуд, как только это будет удобно.

Разумеется, им не терпелось увидеть особу, от которой во многом зависело их благополучная жизнь в Бартоне, поэтому, ее милость они принимали у себя уже на следующий день. Леди Миддлтон было не более двадцати шести – двадцати семи лет. Высокая и статная, с правильными чертами лица, она была полна благородства и аристократизма. Ее манера держаться была безупречна, что не всегда можно было сказать о ее супруге. Но первое приятное впечатление о ней к концу их первой встречи рассеялось. Леди Миддлтон при всей светскости оказалась холодной и довольно равнодушной особой, с которой не о чем было поговорить.

Весь разговор свелся к обмену банальными любезностями и общением со старшим сыном леди, которого она предусмотрительно захватила с собой. Хорошенький мальчик лет шести стал одним единственным предметом внимания и обсуждения всех присутствующих дам.

– Как его зовут? И сколько ему лет? – Все восхищались его красотой и задавали ему бесконечные вопросы, на которые, конечно же, отвечала его мать. А он пока цеплялся за нее и стыдливо опускал голову, она с изумлением спрашивала, чего же он стесняется в гостях, когда так шумно ведет себя дома. Затем еще десять минут ушли только на то, чтоб узнать, кого малыш любит больше: своего папу или маму. Или двоих сразу? И почему?

Вскоре Дэшвудам представилась возможность увидеть и остальных детей четы Миддлтон, так как сэр Джон не ушел до тех пор, пока не получил от них обещания отобедать вместе в Бартон-Парке уже на следующий день.

Усадьба Бартон-Парк находилась приблизительно в полумиле от коттеджа. Впервые барышни заметили ее во время прогулки. Скрытая высоким холмом, она была не видна из окон коттеджа. Но стоило обогнуть холм, и перед ними возвышался новый особняк, и сразу было видно, что его хозяева живут в роскоши. Миддлтоны были не только богаты, но и гостеприимны. Хозяин дома сэр Джон с юности любил шумные компании, со временем его образ жизни с удовольствием разделила супруга. Они скучали, если у них кто-нибудь не гостил. Поэтому они имели много друзей, гораздо больше чем кто-либо во всей округе. Разные по характеру и темпераменту, они прекрасно дополняли друг друга, при этом каждый не мешал развиваться прирожденным талантам спутника жизни. Так, сэр Джон был спортсменом, леди Миддлтон – матерью. Он охотился и увлекался стрельбой, она воспитывала детей. Это были их главные

увлечения в жизни. Правда, леди Миддлтон еще имела возможность портить воспитанием своего сына ежедневно и круглый год, в то время как сэр Джон ходил на охоту только в сезон. Но они оба, в любое время года и в любую погоду с удовольствием вместе бывали в гостях и принимали гостей у себя. Это заменяло им природу, образование и всегда поднимало настроение сэру Джону, и давало необходимую передышку леди Миддлтон.

Леди Миддлтон, по праву гордилась изысканностью своего стола и всего, что ее окружало, и это больше всего поднимало ей настроение во время домашних приемов. А вот сэр Джон просто получал удовольствие от общения. Он приглашал в гости столько молодых людей, сколько мог вместить его большой дом. И чем больше шума и суеты от них было, тем больше удовольствия он получал. Завсегдатай всех молодежных балов Девоншира, каждое лето он организовывал пикники на природе, чтобы отведать холодной ветчины и жареной дичи. А зимой он так часто устраивал балы у себя, что только неугомонные пятнадцатилетние барышни могли мечтать, чтобы танцы проводили еще чаще.

Каждый приезд новой семьи для Миддлтонов становился настоящим событием, а тут еще нагрянули сразу три девицы, которые были весьма хороши собой и к тому же прекрасно воспитаны, чем сразу привлекли внимание сэра Джона.

Правда, старшая дочь миссис Дэшвуд Элино́р сначала показалась ему простоватой и без претензий. И он решил, что этой непритязательной девушке ничего другого не остается, кроме как сосредоточить свое внимание на самой себе и она вряд ли примет участие в шумных вечерах. Впрочем, это наблюдение не изменило дружеского отношения сэра Джона к четырем одиноким леди. Заботясь о своей кухне и ее дочерях, он как человек порядочный и сострадательный испытывал радость. А поселив у себя под боком, в коттедже, сразу несколько женщин, он начал испытывать удовлетворение охотника, который уважал только себе подобных мужчин, но никогда бы не решился поселить их в своих владениях, что бы потом не пришлось делить с кем-то охотничьи трофеи.

Сэр Джон сам встретил своих гостей на пороге дома и сразу пригласил миссис Дэшвуд с дочерьми в художественную гостиную. Показывая им эту светлую довольно просторную комнату с причудливым растительным орнаментом на тканевых обоях и цветистой мебелью, он несколько раз посетовал, что упустил одну важную деталь и не пригласил никого из его молодых приятелей, чтобы развлечь барышень.

– Правда, сегодня меня неожиданно навестил один молодой человек, – сказал с улыбкой гостеприимный хозяин, – это просто мой друг, который остановился в Бартоне. Если честно, он не так молод и горяч, но я надеюсь, что юные леди простят меня за такую скромную компанию и, со своей стороны, я обещаю, что такого никогда больше не повторится, – пообещал сэр Джон. Он рассказал девицам, что спохватился слишком поздно. Когда утром он отправился к соседям, чтобы собрать у себя достойное общество, то выяснилось, что все уже куда-то приглашены. Ведь нет ничего лучше, чем провести теплый лунный вечер в компании друзей. К счастью час назад в Бартон прибыла мать леди Миддлтон, женщина очень веселая и общительная, поэтому есть надежда, что девушки сегодня не будут скучать. Три мисс Дэшвуд, не избалованные вниманием и общением, были несказанно рады познакомиться сразу с двумя новыми людьми.

Первой им была представлена миссис Дженнингс, мать леди Миддлтон. Женщина оказалась очень веселая и такая же грузная. Она была в годах, но довольна собой и говорила без умолку. За столом она успела рассказать несколько пикантных историй о мужьях и любовниках, вслух понадеялась, что ни одна из девушек не оставила своего сердечка в Сассексе, и с удовольствием отметила, что девушки всё-таки покраснели, хотели они того или нет. Смущенная Марианна отнесла это замечание на счет старшей сестры и внимательно посмотрела на Элино́р, как та выносит все это. Взгляд сестры вогнал в краску Элино́р еще больше, чем анекдоты веселой миссис Дженнингс.

Полковник Брэндон, который был представлен вторым как старый друг сэра Джона, похоже, часто бывал в этом доме и чувствовал себя также естественно, как леди Миддлтон в роли жены, а леди Дженнингс в роли тещи.

Он не проронил ни слова за столом, но его молчаливое присутствие никого не смущало, хотя его внешность была неприятна. По мнению двух сестер, он выглядел как типичный старый холостяк, ему было уже за тридцать пять, а его лицо могло оттолкнуть даже последнюю старую деву в округе. Возможно, он был не глуп и благоразумен, но явно не заинтересовал барышень.

Увы, в этот вечер они не нашли никого, с кем в дальнейшем смогли бы сойтись ближе. Леди Миддлтон была скучна и холодна, полковник Брэндон – мрачен и не разговорчив, а миссис Дженнингс – невыносимо весела. Леди Миддлтон за весь вечер оживилась лишь раз, когда после обеда вошли четверо ее детей и стали требовать всеобщего внимания. Они теребили подол ее платья и совершенно не давали ей говорить ни на одну из тем, не касающуюся их.

Когда выяснилось, что Марианна прекрасно играет на фортепиано, хозяин тут же открыл инструмент и все собравшиеся затаили дыхание. Марианна, у которой к тому же был редкий голос, в этот вечер исполнила почти все романсы, которые леди Миддлтон после замужества привезла в Бартон-парк и ни разу и не открыла, так как своё бракосочетание она отпраздновала тем, что навсегда оставила музыку, хотя, по словам ее матери, блистательно играла, а по ее собственному мнению, просто любила музыку.

Марианну осыпали комплиментами. После каждой песни сэр Джон во весь голос выражал свой восторг – так же громко, как рассказывал что-нибудь остальным гостям, пока она пела. Леди Миддлтон то и дело одергивала его, удивляясь, как можно так невнимательно слушать музыку и всё время просила Марианну обязательно спеть ее любимый романс – как раз тот, который Марианна только что исполнила. И только полковник Брэндон слушал ее молча, но так внимательно, что его молчание стало для нее самым лучшим комплиментом. В этот момент Марианна почувствовала к полковнику некоторое уважение, невольно выделив его среди прочих слушателей, которые были лишены даже зачатков хорошего вкуса и почему-то не стеснялись этого.

Музыка явно доставляла полковнику удовольствие, и хотя он не впадал в экстаз, как чувствительная девица за фортепиано, но его внимание было очевидным. Она впервые с жалостью подумала о нем, решив, что в тридцать пять лет чувства притупляются, и искусство уже не дарит такого наслаждения, как в молодости. Марианна мысленно простила своего верного слушателя, как того требует человеколюбие.

Глава 4

Миссис Дженнингс была веселой вдовой с широким кругом общения. Она удачно выдала замуж обеих своих дочерей и, видимо, решила, что теперь обязана сосватать всех холостяков в подлунном мире. Денно и ночью она была готова сводить одинокие сердца и некоторые девицы были даже благодарны миссис Дженнингс за то, что та подыскиала им приличных и небедных женихов. Приехав в Бартон, она в первый же вечер нашла применение своим способностям. Бегло осмотрев гостей, пожилая дама сразу же сложила будущую идеальную семейную пару, по ее мнению. Она сразу почувствовала неподдельный интерес к Марианне молчаливого полковника Брэндона. Он не просто слушал пение миловидной девушки, он «любовался ею», отметила про себя энергичная вдова и решила, что они обязательно должны быть вместе. Ее интуитивная догадка подтвердилась через несколько дней, когда семейство Миддлтон и друг семейства полковник Брэндон нанесли ответный визит в летний домик. Он снова не сводил глаз с поющей Марианны. «Это будет прекрасная пара, – подумала миссис Дженнингс, – он так богат, а она так красива».

Невесту для полковника она подыскивала очень давно, с тех пор, как он впервые появился в доме ее зятя и вот, наконец, она нашла то, что так настойчиво искала.

Миссис Дженнингс решила действовать немедленно и в этом деликатном деле прибегла к своей обычной тактике: она начала без умолку шутить. В Бартон-Парке она подсмеивалась над полковником. В коттедже – над Марианной. Старый холостяк пропускал ее шутки мимо ушей, неопытная Марианна сначала не понимала в чем дело, а когда немного разобралась, то расстроилась, она никак не могла понять, почему все позволяют себе так открыто подшучивать над странностями закоренелого холостяка.

А миссис Дэшвуд никак не могла представить себе человека на пять лет ее моложе в роли своего зятя, и сразу постаралась объяснить миссис Дженнингс и самой Марианне, что против неравного брака.

– Но, по крайней мере, матушка, вы уж точно не скажете, что у него скверный характер, – вступилась за полковника Марианна. – Полковник Брэндон, естественно, моложе миссис Дженнингс, но мне он годится в отцы. Если он не женился в молодости, то в его годы собираться под венец просто смешно! Он никогда не решится на брак хотя бы из-за своих преклонных лет и старческой немощи.

– «Старческой немощи», – переспросила Элинора, – ты считаешь полковника немощным? Я понимаю, что ты считаешь его ровесником нашей мамы, но не обманывай себя, по-моему, он в прекрасной форме.

– А ты слышала, как он вчера жаловался на ревматизм? – не унималась Марианна.

– Моя дорогая девочка, – сказала ее мать, смеясь, – А вот здесь тебе лучше прислушаться ко мне. Возможно, сейчас это кажется тебе чудом, но жизнь продолжается даже после сорока.

– Мама, я соглашусь с вами, что, возможно, после сорока жизнь только начинается и полковник, я думаю, проживет еще лет двадцать в добром здравии и окружении верных друзей, но жениться в тридцать пять лет уже поздно, – ответила Марианна.

– Наверное, ты права, – согласилась с ней Элинора, – между тридцатью пятью и семнадцатью такая пропасть, что вряд ли муж и жена будут понимать друг друга. Я думаю, полковнику подошла бы женщина лет двадцати семи.

– Женщина двадцати семи, – усмехнулась Марианна, и немного подумав, добавила, – женщина двадцати семи лет никогда не сможет так чувствовать и любить, как юная девушка. Она скорее станет этому офицеру хорошей сиделкой, чем настоящей женой. Хотя такой брак уж точно никого бы не удивил. Но это была бы даже не женитьба по любви, а нечто другое.

Какая-то коммерческая сделка что ли, в которой каждый пытается что-нибудь для себя приобрести за счет другого.

– С тобой бесполезно спорить, но и после двадцати женщина может по-настоящему полюбить мужчину в возрасте и даже выйти за него замуж по любви. И не стоит так уж строго судить полковника Брэндона и его будущую жену-«сиделку» за то, что вчера в сырой и холодный день, он обмолвился о легких ревматических болях в суставах.

– По-моему, он говорил только о своем фланелевом жилете. Просто, для меня фланелевые вещи всегда связаны с болями, болезнями и ревматизмом, подстерегающими людей в старости.

– Даже если бы его трясло в лихорадке, ты презирала бы его меньше, чем за вчерашнее легкое недомогание. Сознайся, Марианна, нет ли чего-то более интересного для тебя в этих висящих щеках, маленьких глазках и легких позывах лихорадки? – съязвила Элионор и вышла из комнаты.

А Марианна, тут же забыв о полковнике, обеспокоено зашептала матери:

– Меня последние дни беспокоят тревожные предчувствия, наверное, Эдвард Феррарс заболел. Мы уже почти полмесяца здесь, а он еще ни разу не приезжал. Только что-то очень серьезное могло удержать его в Норланде. Что же там стряслось?

– А ты думаешь, он когда-нибудь собирался сюда приезжать? – вздохнула ее мать. – Думаю, что нет. Мне даже показалось, что он просто пообещал навестить нас из вежливости, когда я разговаривала с ним в Норланде. А что Элионор всё еще ждет его?

– Я стесняюсь спросить ее об этом, но думаю, что всё же она должна его ждать.

– Нет, милая, ты ошибаешься. На днях я обсуждала с ней покупку новой решетки для камина в гостевой спальне, и она сказала, что это не к спеху, так как никто в ближайшее время не собирается там останавливаться.

– Как странно все это. Что бы это все могло значить? Впрочем, у них всегда были странные отношения. Как сдержанно они прощались в Норланде! И как спокойно они общались накануне отъезда, в свой последний вечер! Эдвард простился с Элионор, как и со мной – просто по-дружески. В наше последнее утро я дважды выходила из комнаты под разными предлогами, чтобы дать им возможность побыть наедине. И что ты думаешь? Они выходили из комнаты за мной следом. А когда мы отъезжали Элионор даже не плакала. Она всё время скрывает свои истинные чувства. Ни грусти, ни тоски, ни единой слезинки.

Прошло совсем немного времени и Дэшвуды поняли, что никуда не уедут из этого милого Бартона. Их жизнь вошла в прежнее русло, и они с удовольствием вернулись к своим увлечениям, за которыми коротали бывшее время в Норланде. Сэра Джона Миддлтона, первые две недели приходившего к ним каждый день, каждый раз немало удивляло, что никто в летнем домике никогда не сидел, сложа руки, а напротив, все заняты делом.

Правда, гости заглядывали в этот скромный дом всё реже, исключение составляли только сэр Джон с супругой. Хозяйки коттеджа предпочитали вести уединенный образ жизни: гостей не созывали, да и сами редко бывали у друзей. Сэр Джон настойчиво предлагал им свою карету, чтобы барышни могли чаще видеться с соседями, но миссис Дэшвуд так дорожила своей внутренней свободой, что каждый раз вежливо отказывалась и бывала только у тех соседей, которых можно было навестить пешком. Таких в округе было мало, и многие из них тоже были небогаты и не принимали гостей. Однажды в полутора милях от коттеджа у извилистой дороги в Алленхэмскую долину, которая, была продолжением Бартонской, во время одной из своих первых прогулок Элионор и Марианна увидели внушительного вида старинный особняк, он напомнил им покинутый Норланд. Барышням захотелось непременно побывать в нем. Но вскоре они узнали, что его хозяйка, слишком стара и слаба, чтобы выходить в свет или устраивать приемы у себя.

Таким образом, тихие прогулки стали для девиц Дэшвуд едва ли не единственным доступным развлечением, но зато доставляли им истинное удовольствие. Живописные вершины холмов, которые были видны чуть не из каждого окна коттеджа, гордо возвышались над темной распаханной долиной и манили их своей первозданной чистотой, особенно в непогоду, когда барышням приходилось по целым дням не выходить из дома. Поэтому в одно хмурое осеннее утро, едва заметив на пасмурном небе солнечные лучи, Марианна и Маргарет, не усидели в четырех стенах и отправились покорять один из этих высоких холмов. Перед этим два дня шел проливной дождь, и миссис Дэшвуд и Элино́р с недоверием отнеслись к этим робким просветам среди туч и остались дома, одна, как обычно, читала, другая делала наброски.

Тем временем Марианна и Маргарет быстро поднимались на один из этих нехоженных холмов, радуясь многообещающему юго-западному ветру, но вдруг остановились на вершине и несколько минут не могли проронить ни слова, потрясенные открывшимся видом. Утреннее солнце, казалось, вырастает из самой земли, как огромный холм, сотканный из огня и света, и медленно встает над долиной.

– Какая величественная картина, – наконец, произнесла Марианна. – Маргарет, давай побудем здесь еще, не зря же мы шли сюда почти два часа.

Маргарет охотно согласилась, и, звонко смеясь, они шли навстречу ветру еще минут двадцать, но внезапно над ними сомкнулись тучи и струи косого осеннего дождя стали нещадно хлестать их по щекам. Захваченные врасплох, девушки решили бежать домой, так как больше укрыться от дождя было негде. Они повернули назад и подгоняемые порывами ветра пустились бегом вниз по крутому склону, который вел прямо к их калитке.

И они побежали. Марианна сначала опередила младшую сестру, но вдруг неожиданно споткнулась и упала, а Маргарет, не успевшая остановиться на спуске, чтобы помочь ей, и мигом оказалась у подножья холма.

Марианна попыталась подняться, но не смогла и в отчаянье сидела на мокрой земле. Младшая сестра была еще довольно далеко от нее, когда совсем рядом раздался лай охотничьих собак. Марианна обернулась. Джентльмен с ружьем и с двумя энергичными пойнтерами, сновавшими вокруг него, спешил ей на помощь. Она снова попыталась встать, но тут же вскрикнула от боли. Нога! Она подвернула ее при падении. Марианна не успела опомниться, как джентльмен быстро положил ружье на траву, подхватил ее на руки, и понес вниз к дому. Маргарет придерживала калитку, а охотник бережно пронес смущенную девушку в дом и усадил ее на кресло в гостиной.

Элино́р и ее мать, которые в этот момент были в гостиной, привстали от удивления и с интересом рассматривали спасителя Марианны. С такой драгоценной ношей на руках он сразу предстал перед ними в выгодном свете, а его извинение за неожиданное вторжение, приятный баритон и безупречные манеры сразу покорили дам. Впрочем, будь на его месте даже толстяк преклонных годов, он всё равно показался бы миссис Дэшвуд прекрасным рыцарем, спасшим ее бедную девочку. Но спаситель оказался не только благороден, но и молод и хорош собой.

Счастливая мать бросилась благодарить его от всего сердца, предложила присесть, но джентльмен тактично отказался, сказав, что промок до нитки. А когда миссис Дэшвуд осведомилась, кому ее дочь обязана своим чудесным спасением, он ответил, что его имя Уиллингби и что его дом находится в Алленхэме, откуда завтра он пришлет дамам приглашение, если они не против, и быстро ушел, скрывшись под пеленой дождя.

Его природная мужская красота и благородство манер весь вечер стали предметом разговора в летнем домике. Смех, который вызывала его галантность у Марианны, означал, что джентльмен произвел на нее действительно сильное впечатление, хотя она почти не рассмотрела его лица. Впрочем, девица справедливо считала, что знает его уж точно дольше всех в этом доме и с удовольствием обсуждала его достоинства с остальными. Марианна почти не сомневалась, что сами небеса сегодня вмешались в ее судьбу и вместе с проливным дождем

послали ей этого рокового мужчину ее мечты. Он был хорош собой, его имя показалось ей звучным, его особняк находился как раз в той деревушке, которая так нравилась ее сестрам, и, наконец, этот чудесный короткий жакет на нем. О да, ей всегда нравились мужчины в таких жакетах! С этого дня Марианна думала только о прекрасном охотнике и боль в ноге быстро прошла.

Как только распогодилось, заскукавший в осеннюю распутицу сэр Джон Миддлтон сразу пригласил Дэшвудов к себе и с интересом узнал из их уст о недавнем происшествии с Марианной.

– Уиллингби из Алленхэма! – вскричал сэр Джон, – Так он снова здесь? Отличная новость! Значит, я обязательно должен пригласить его на обед во вторник. Завтра же pošлю ему приглашение.

– Так вы знакомы? – спросила Миссис Дэшвуд.

– Знакомы? Конечно, знакомы! Он бывает здесь каждый год в сезон охоты.

– Скажите, а что он за человек? – осторожно поинтересовалась Марианна.

– Лучшего и не сыскать! Отличный стрелок и лучший наездник во всей Англии.

– И это все что вы можете сказать о нем? – воскликнула Марианна. – А как же его характер? Привычки, вкусы, интересы?

– Честно говоря, – смутился сэр Джон, – я не очень много знаю о нем, кроме того, что уже сказал. Он славный малый и имеет лучшую суку черного пойнтера, которую я когда-либо видел. Вы, наверное, тоже видели ее в тот день?

Этот вопрос поставил Марианну в тупик, она смутно помнила своего спасителя и совершенно не обратила внимания на его собак.

– И всё-таки кто он? – переспросила Элино́р, – Откуда он приезжает? Где он останавливается в Алленхэме?

На эти вопросы Сэр Джон смог ответить более вразумительно, хотя, если бы юные леди спросили его о пойнтерах, то он рассказал им куда больше.

– У Уиллингби здесь нет своего дома. Он приезжает и останавливается у старой леди в усадьбе Алленхэм-Корт. Он приходится ей дальним родственником и наследником, – сказал сэр Джон и, немного помолчав, добавил, – он человек обеспеченный, это я могу вам сказать мисс Дэшвуд с полной уверенностью. У него большое имение около Соммерсетширра. Поэтому на вашем месте, мисс Элино́р, я бы не запрещал сестре встречаться с ним, даже когда льет дождь и можно поскользнуться на холме. Такого стоит заарканить. Мисс Марианна, вы явно пользуетесь успехом в наших краях. Смотрите, чтобы полковник Брэндон вас не приревновал.

– Я не верю, – усмехнулась миссис Дэшвуд, – что мои дочери захотят связать мистера Уиллингби по рукам и ногам. Они не охотятся под дождем, поэтому даже очень богатые мужчины могут чувствовать себя с ними в безопасности. Приятно слышать, сэр Джон, что у вас такие приличные и благородные знакомые, – добавила она.

– Поверьте, лучше него не сыскать, – вот сейчас как раз припоминаю, как на прошлом рождественском балу он протанцевал с восьмью часов вечера и до четырех утра без передышки.

– Ах, неужели? – воскликнула Марианна с горящими глазами, – И это было красиво по-настоящему? Он танцует с душой?

– О да, а к восьми утра он уже опять был готов к скачкам по лугам.

– Именно так я себе и представляла настоящего джентльмена, – вздохнула Марианна. Чтобы он ни делал, он всегда должен быть в движении и без тени усталости на лице.

– О! Что я слышу! – крикнул сэр Джон, – Да, аркан здесь точно не понадобится, мисс Марианна. Вы поймаете его своей шляпкой, как бабочку. И даже не вспомните о бедном Брэндоне.

– Такое выражение, сэр Джон, – сказала Марианна немного кокетливо, – мне, честно говоря, не нравится. Может быть, вам это кажется остроумным, но, по-моему, «поймать своей шляпкой» или «заарканить» звучит простовато и не эстетично.

Сэр Джон не совсем понял, что она имела в виду, но рассмеялся от души.

– Как ни назови, но вы обязательно заарканите его, это точно! Это вопрос времени. Правда, не могу сказать на днях или чуть позже, – продолжал сэр Джон, смеясь. – Ах, бедный-бедный Брэндон! Он отлично подходит для вас и, самое главное, почти готов, чтобы вы накрыли его своей шляпкой, не смотря ни на какие новые настроения.

Глава 5

Прекрасный «герой Марианны», как успела окрестить Уиллингби тринадцатилетняя Маргарет, спозаранку явился в летний домик, чтобы узнать, как чувствует себя Марианна. Миссис Дэшвуд приняла его с распростертыми объятьями, особенно после того, что сообщил об Уиллингби сэр Джон. Всем своим видом она хотела показать молодому человеку, что в семье, с которой его свел случай, царит полная гармония и благовоспитанность. Красота дочерей миссис Дэшвуд не нуждалась в ее комментариях и говорила сама за себя. К удовольствию всех дам их ранний гость не торопился уходить, он с интересом поддержал небольшой разговор в гостиной и исподволь внимательно рассмотрел сестер.

Мисс Элинор нежная, белокожая девушка была удивительно хорошо сложена, хотя немного полновата. Всем своим видом она выражала благородство и спокойствие. Марианна ничуть не уступала старшей сестре в красоте и даже превосходила ее. Бархатная смуглая кожа Марианны светилась изнутри, на щеках играл яркий румянец, улыбка завораживала, а карие глаза так искрились, что невольно восхищали всех, кто решался в них заглянуть. Она была чуть выше и стройнее Элинор, рост придавал ей особую величавость и правы были те, кто, не задумываясь, называл Марианну «просто красавицей». Увидев Уиллингби, она в первый миг интуитивно отпрянула от него и даже подумала, что лучше сразу отказаться от него, чтобы потом не страдать. Но немного поговорив с ним, успокоилась, поверила в собственную неотразимость и нашла своего собеседника не только обаятельным, но и весьма образованным. А когда он рассказал ей, что увлечен музыкой и танцами, то Марианна больше не сводила с него своих восхищенных темных глаз. У них, оказывается, так много общего! И это неслучайно! Окрыленная, от музыки она перешла к литературе. Как ни странно, но ее любимых авторов он назвал самыми первыми. Ее радости не было предела. А какими глубокими и философскими показались ей рассуждения этого, в общем-то, молодого человека двадцати пяти лет от роду. Невероятно, но их вкусы совпадали: те же книги, те же излюбленные цитаты из них. Марианна уже не сомневалась, что сама судьба свела их на охоте. Они всё говорили и говорили, а если вдруг между ними возникали какие-то разногласия, то длились они недолго: ее веские аргументы и сияющие глаза заставляли джентльмена сдаться без боя. Он полностью разделял ее эмоциональное отношение к жизни и юношеский энтузиазм. Утренний визит подходил к концу, но обоим казалось, что они знают друг друга давным-давно.

– Ну что, Марианна, – сказала Элинор, когда гость вышел за калитку, – для одного утра ты сделала очень много. Он не сводил с тебя глаз и говорил только с тобой. Ты уже изучила все его литературные пристрастия, знаешь, что он думает о поэзии Купера и Скотта, за что ценит Поупа и даже выяснила что, а может быть, кого, он считает красивым? Но как ты собираешься с ним общаться дальше? За одно утро вы исчерпали столько тем для беседы, что дальше вам и говорить-то не о чем. Очень забавно получается: в первый визит вы говорили о живописи, а во второй, наверное, обсудите предстоящую свадьбу. Не спеши, милая сестра. Не раскрывайся перед ним до конца, оставь несколько загадок на потом.

– Элинор! – рассердилась Марианна, – Что значит на потом? И что значит на сейчас? Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты считаешь, что я была слишком естественна, слишком счастлива, слишком открыта! Да, возможно, при первом знакомстве так себя не ведут, и я преступила общепринятую манеру поведения! Да, я знаю, что была откровенна тогда, когда надо быть скрытной, уступчивой и уклончивой. Но я не могу слышать разговоров о погоде или о дорогах, я буду говорить то, что чувствую, и никто мне этого не запретит!

– Моя милая, – ласково сказала ее мать, – не обижайся на Элинор. Она заботится о тебе и хочет, как лучше. По правде, я сама рассердилась на нее за то, что она не проронила сегодня ни слова, оставив нас один на один с Уиллингби.

Впрочем, сам Уиллингби, похоже, не сильно расстроился, так и не услышав, что же думает о творчестве Купера и Скотта мисс Элинора. С этого памятного утра у него в летнем домике появился иной предмет обожания, и он каждый день приезжал к Марианне под благовидным предлогом узнать, как ее самочувствие. Однако его так сердечно привечали, что еще до полного выздоровления Марианны он перестал искать благовидные предлоги для своих ежедневных визитов и приезжал в летний домик как близкий друг семьи. А когда Марианне приходилось оставаться дома, она уже не смотрела с тоской на далекие холмы, а ждала у окна Уиллингби. И он всегда был готов скрасить ее одиночество. Молодой человек обладал незаурядным умом, живым воображением, общался весело и непринужденно. Он словно был создан для того, чтобы завоевать сердце Марианны, так как был не только хорош собой, но и умен, что тешило самолюбие юной девушки. Она так быстро привязалась к нему, что уже не могла прожить без него ни дня. Они подолгу беседовали, читали вслух и пели дуэтом. Пел и играл он превосходно, а читал с тем чувством и выражением, каких, к сожалению, так не хватало Эдварду.

Миссис Дэшвуд восторгалась Уиллингби не меньше Марианны. Да и Элинора была о нем хорошего мнения, правда, она никак не могла привыкнуть к его откровенной манере общения, которая, впрочем, сближала их с Марианной. Чуть что, они во всеуслышание высказывали свои драгоценные мысли, чтобы привлечь к себе внимание и потешить самолюбие, и порой невольно обижали присутствующих дерзкими и несправедливыми замечаниями. Элинора не могла понять, как можно сбрасывать со счетов хороший тон, и считала, что Марианна и ее новый друг ведут себя беспечно и недальновидно.

Но Марианна, наоборот, считала себя дальновидной и даже строила планы на будущее. Она вдруг поняла, что поторопилась, заявив, что в свои шестнадцать с половиной лет навеки отчаялась найти своего избранника. Уиллингби как раз воплощал все качества, которыми, по ее мнению, обязательно должен обладать настоящий джентльмен. К тому же всем своим видом он демонстрировал Марианне свои серьезные намеренья, в которых уже никто не сомневался, впрочем, как и в его бесконечных достоинствах. Не прошло и недели с момента их знакомства, а обнадеженная миссис Дэшвуд уже подумывала о предстоящей свадьбе, совершенно не претендуя на немалое состояние жениха, и втайне поздравляла, как у нее сразу появятся два таких завидных зятя, как Эдвард и Уиллингби.

Шуточки по поводу полковника Брэндона и Марианны, которые щедро отпускали его друзья, вдруг прекратились. Всеобщий интерес к этой паре иссяк, впрочем, как поговаривали некоторые, и пылкие чувства самого полковника. Трудно было сказать, любит он Марианну по-прежнему или уже нет. Элинора казалось, что именно сейчас полковник испытывает то, что ему так долго приписывали окружающие, но тщательно скрывает свои чувства. К великому сожалению миссис Дженнингс идеальная пара, созданная ее богатым воображением, распалась, и ей оставалось только шутить об изменчивости человеческих чувств. Элинора не понимала своеобразный юмор миссис Дженнингс и никак не могла понять, как можно сравнивать шансы на успех тридцатипятилетнего полковника и двадцатипятилетнего Уиллингби! Полковник был симпатичен Элиноре, она привыкла к его суровой и несколько холодной манере держаться и считала Брэндона настоящим джентльменом. А когда при случае сэр Джон с сожалением заметил, что его приятель в последнее время загрустил, Элинора жалела покинутого полковника и искренне посочувствовала ему. Марианну всё время видели в обществе бойкого Уиллингби, и было заметно, как от этого страдает Брэндон.

– Брэндон как раз человек такого типа, – сказал как-то Уиллингби, гордясь своей новой сердечной победой, – о котором все говорят хорошо, но никто не сделает ему ничего хорошего, которого все рады видеть у себя, но постоянно забывают пригласить.

– Я думаю о нем то же самое, – усмехнулась Марианна.

– Не смейтесь над ним, – сказала Элинора, – расстроившаяся помолвка – ваших рук дело. Его не зря очень уважают в Бартон-Парке.

– И это только благодаря вам, – усмехнулся Уиллингби, – Но и с кем он общается в Бартон-Парке? С леди Миддлтон и миссис Дженнингс? По-моему, это не делает ему чести, этим леди лишь бы поговорить и неважно с кем.

– Но тогда почему вы и Марианна с таким удовольствием бываете в гостях у леди Миддлтон и ее матери, если они так не разборчивы в отношениях? Если честь, которую они оказывают вам искренна, то ваша искренность могла бы быть и почестнее. Они не настолько двуличны. Как некоторые только что осудившие их.

– По-моему, защищая своего протеже, вы зашли слишком далеко?

– Мой протеже, как вы его только что назвали, очень разумный человек, а я уважаю умных людей. Не смотря на то, что ему уже под сорок... Он много повидал, служил за границей, начитан и умеет думать. Я всегда могу спросить его о чем угодно, и он обязательно исчерпывающе отвечает на любой вопрос. Я столько нового узнала благодаря ему.

– Это точно! – воскликнула Марианна запальчиво. – Он сообщил тебе с видом знатока, что в Западной Индии жарко, а москиты кусаются!

– Не сомневаюсь, что он так бы мне и ответил, если бы я об этом спросила, но я стараюсь не задавать глупых вопросов.

– О! – оживился Уиллингби. – Тогда, возможно, он сообщил вам, что в Индии кроме москитов, живут еще богатые набобы, их жены носят золотые покрывала, а передвигаются они непременно в золотых паланкинах.

– Это всё, что вы знаете об Индии? – ответила Элинора. – Полковник знает куда больше, наверное, поэтому вы недолюбливаете его?

– Я не говорю, что не люблю его, – продолжал Уиллингби. – Наоборот, я считаю его вполне приличным человеком. О таких людях все всегда говорят только хорошее и не замечают плохого, потому что у них больше денег, чем они могут потратить и слишком много свободного времени. Такие люди сами не знают, куда себя деть, в лучшем случае они развлекают себя два раза в год заказом нового костюма.

– Но которые им в итоге не идут, так как у них есть деньги, но нет вкуса, – вмешалась Марианна. – Брэндон скучен, сер и довольно мешковат во всем.

– Марианна, ты слишком легко вешаешь ярлыки, едва взглянув на человека, – ответила Элинора. – Ты несправедлива к нему, я бы охарактеризовала его короче, но точнее. Он умен, воспитан, настоящий джентльмен. И еще мне кажется, что он умеет любить людей.

– Мисс Дэшвуд, – воскликнул Уиллингби, – Ваша последняя фраза – это явно выпад в мою сторону. Я никогда не буду уважать полковника Брэндона, как бы вы ни старались. И для этого у меня есть как минимум три причины. Во-первых, он накаркал дождь, когда я собирался на охоту и ждал отличного дня. Во-вторых, он сообщил, что я неправильно запряг лошадей в мою пролетку. И наконец, в третьих, он отказался покупать у меня мою чудесную гнедую кобылу. Но во всех остальных отношениях, если вам так нравится, я считаю его славным малым, но при этом не обязан обожать его.

Глава 6

Миссис Дэшвуд и ее дочери даже не могли себе представить, когда впервые приехали в Девоншир, что от их прежней провинциальной жизни теперь не останется и следа. Как только Марианна поправилась, в их скромный дом зачастили бесконечные визитеры, и сестры Дэшвуд стали получать постоянные приглашения.

Как и обещал сэр Джон, начался сезон частных осенних балов в Бартон-Парке, а когда стихал дождь, вся компания отправлялась на пикники у воды. Мистер Уиллингби всегда был в числе приглашенных. Непринужденная обстановка, всегда царившая на этих светских вечеринках, позволяла общаться молодым людям без лишних формальностей и вести себя естественно. Поэтому Марианна, вопреки осторожным замечаниям сестры, не скрывала своих отношений с Уиллингби, который, не без удовольствия наблюдал, как юная леди всё больше привязывается к нему.

Что касается общественного мнения, то ни Марианна, ни Уиллингби не обращали на окружающих никакого внимания. Если Уиллингби оказывался рядом, то Марианна не сводила с него влюбленных глаз, и чтобы он ни делал, она всё ему прощала. Если все проводили вечер за картами в Бартон-Парке, то он мог крепко держать ему за руку при всех. Если устраивали бал, то они почти всегда танцевали только вдвоем и даже в перерывах между танцами стояли вместе. Такая страсть напоказ, естественно, вызывала у всех улыбки и пересуды. Но влюбленные как будто не замечали этого. Миссис Дэшвуд тоже не одергивала дочь, окрыленная надеждами на скорую свадьбу, и полностью положилось на ее благоразумие. Это было счастливое время для Марианны. Ее сердце принадлежало Уиллингби. И прежние сожаления о Норланде постепенно растворились среди новых счастливых впечатлений.

Элино́р, наоборот, порой грустила о Норланде, где осталось ее сердце. Счастье сестры не прибавляло ей радости, так как они всё реже общались между собой, а на новом месте Элино́р так и не смогла найти себе хорошей подруги. Ни леди Миддлтон, ни миссис Дженнингс не подходили на эту роль. С ними ей не о чем было говорить. В первый момент миссис Дженнингс показалась Элино́р женщиной общительной и остроумной, но вскоре она настолько утомила ее рассказами о своей бурной молодости, что мисс Дэшвуд старалась лишний раз не попадаться ей на глаза. Каждый драматичный эпизод жизни миссис Дженнингс, Элино́р знала наизусть и совсем не потому, что выросла смышленной и наблюдательной, просто ей приходилось выслушивать его по три-четыре раза. Барышня теперь точно знала, чем болел, как лечился и от чего скончался мистер Дженнингс, и легко могла процитировать его последние слова, сказанные им на смертном одре.

Леди Миддлтон была более приятным собеседником, чем ее мать, хотя бы потому, что соглашалась со всем молча. На этом ее приятности заканчивались. Да и кивала она не от проницательности и ума, а, скорее, от желания, чтобы ее не беспокоили по пустякам.

Удивительно, но со своим мужем и матерью она общалась также неохотно, как и с чужими людьми. А если теплые взаимоотношения отсутствовали между родственниками, что говорить о друзьях? Поэтому Элино́р даже не пытался сойтись с неразговорчивой леди, которая в лучшем случае могла произнести за весь вечер одну фразу, да и то сказанную накануне. Казалось, что леди Миддлтон совершенно не менялась внутренне и ее душа напоминала редкое растение, застывшее в переливах янтаря.

Она молча кивала, когда ее муж затевал очередной бал, молча наблюдала за соблюдением приличий на паркете и даже приводила на званые вечера своих старших детей. Но всем было ясно, что балы для леди интересны не более чем вышивание или прогулки по саду. Иногда она совсем не спускалась к гостям и отдыхала в своей комнате, впрочем, о ней во время бала

обычно никто из гостей и не вспоминал, за исключением тех случаев, когда некому было усмирить ее маленьких шалопаев.

Полковник Брэндон оказался единственным в новом окружении Элино́р, кто мог стать ей искренним другом. О Уиллингби не приходилось говорить. Да они иногда перебрасывались парой фраз, когда Уиллингби на миг отвлекался от Марианны, которая полностью занимала ее мысли и дела. Полковник Брэндон, хотя и был также увлечен Марианной, но предпочитал не говорить о ней с ее сестрой, которая была так спокойна и рассудительна и совсем не похожа на порывистую Марианну.

Элино́р стала еще больше уважать Брэндона, когда поняла, что ему знакомы муки неразделенной любви. Однажды во время бала в Бартон-парке они присели рядом, чтобы отдохнуть после танца. Остальные гости снова кружились на паркете, и тут Элино́р заметила, как влюбленный взгляд полковника остановился на танцующей Марианне. Помолчав, он сказал с легкой улыбкой:

– Ваша сестра, я понял, поглощена своим новым увлечением...

– Нет, – заметила Элино́р, – просто ее натура уж очень романтична, и она отдается чувствам без остатка...

– Более того, я уверен, что она верит даже в такие чувства, которых и не было.

– Я тоже так думаю. Она так похожа на нашего отца. Теперь я ее понимаю. Он был дважды женат. Через несколько лет, я думаю, ее взгляды придут к общепринятым нормам поведения. Тогда ей легче будет все правильно оценивать и осмысливать, чем теперь.

– Возможно, так и будет, – вздохнул полковник. – Но всё-таки есть что-то обворожительное в пылкости и непостоянстве молодости! И это прекрасно. Лучше совершать ошибки в молодости и потом раскаяться в них, чем никогда не отступить из-за благоразумия.

– Я полностью согласна с вами, – сказала Элино́р, – Да, у молодости непостоянные чувства. Как у Марианны. Энергия, бьющая через край и протест, не спорю, завораживают. Но у сестры есть другая черта, которая может привести ее к роковой ошибке, она придает значение тому, что неважно. Когда она узнает жизнь лучше, то научится отличать истинные отношения от иллюзии.

Полковник Брэндон замолчал, и через некоторое время переспросил, внимательно посмотрев в глаза Элино́р:

– А ваша сестра, действительно, твердо верит, что полюбить в жизни можно только раз и навсегда? Вы тоже считаете, что человек, однажды переживший несчастную любовь, больше не испытывает этого чувства снова?

– Что касается меня, то мне трудно отвечать за свою сестру, я не знаю ее принципов настолько глубоко. Могу сказать только одно: она считает, что каждое новое чувство не допустимо, так как заканчивается изменой.

– Да, – сказал он, – но чтобы удержать возлюбленного около себя, со временем придется подстраиваться под него, да и сами чувства тоже изменяются с годами. Когда легковесные увлечения молодых усов исчезнут, как они смогут жить вместе и иметь общие увлечения? Это даже опасно, говорю по опыту. Я знал одну леди, которая по характеру и суждениям очень напоминала вашу сестру, и которая в итоге после череды печальных событий вынуждена была поступиться своими чувствами...

Брэндон вдруг осекся, решив, что сказал лишнее и в порыве необъяснимых чувств инстинктивно подался вперед. Их лица оказались настолько близко, что Брэндон коснулся щеки Элино́р. Она сразу и не поняла, что произошло. Но ее губы не смогли избежать его поцелуя, похоже, и не желали избегать. Этот странный порыв, возможно, был навеян переживаниями его ушедшей любви. Элино́р прервала эту короткую вспышку... Но Марианна успела заметить это мгновение и тут же с радостью подумала, что еще два любящих сердца нашли друг друга в Бартоне.

На следующее утро Марианна сообщила старшей сестре новость, которая настолько поразила Элинора, что она не знала радоваться ей или хвататься за голову. Она ожидала от Марианны чего угодно, но только не этого! С большим волнением Марианна рассказала, что Уиллингби хочет подарить ей лошадь. Он сам вырастил ее у себя вSomersetshire, и она идеально подойдет для наездницы. Не посоветовавшись с матерью, в планы которой уж точно не входило заводить лошадь, Марианна приняла подарок и решила купить к ней сразу и вторую лошадь, и заодно нанять слугу, чтобы он ухаживал за обеими и сопровождал Марианну на прогулках. Позже она подумывала выстроить конюшню. На этой радостной ноте она замолчала и вопросительно посмотрела на сестру. Элинора, представив сколько всё это может стоить, потеряла дар речи.

– Представляешь, – продолжала Марианна, – он уже послал слугу в Somersetshire за моей лошадкой. И когда он появится с ней, мы будем скакать весь день. Ты тоже будешь на ней кататься, моя дорогая Элинора. Пронесится галопом по все этим лугам!

Элинора попыталась возразить, но Марианна даже не хотела ее слушать.

– Но у нас нет денег, чтобы нанять еще одного слугу, – наконец, строго сказала Элинора. – Мама никогда не одобрит этого! Пойми, никогда. Да и для слуги незачем покупать лошадь – можно взять в аренду любую, какую захочешь, у сэра Джона в Бартон-Парке. К тому же там есть конюшня. С нас хватит уже и одного такого подарка. Да, и удобно ли принимать такой подарок, Марианна, от человека, которого мы все не так давно знакомы, да ты его пока мало знаешь.

– Ты ошибаешься, Элинора, – сказала она загадочно, – когда считаешь, что я мало знаю Уиллингби. Да, действительно мы познакомились недавно. Но нет никого в этом мире, кого бы я знала также хорошо, кроме, конечно, тебя и мамы. Отношения нельзя измерить временем, они выше этого. Это – нечто неизмеримое. Для некоторых людей и семь лет мало, чтобы узнать друг друга. А другим хватает и семи дней. Я лучше приму лошадь в подарок от Уиллингби, чем от родного брата Джона, которого, как выяснилось, все мы так и не узнали до конца, хотя прожили вместе несколько лет, чего не скажешь о Уиллингби.

Элинора решила больше не касаться этой темы, спорить с Марианной было бесполезно, она всё делала по-своему. Но призыв Элиноры к ее дочерним чувствам оказался не напрасен. Ей удалось уговорить Марианну, пока не сообщать эту радостную новость маме, чтобы не доставлять лишних волнений по поводу новых расходов, а сам подарок пока оставить у Уиллингби.

Марианна выполнила обещание, данное старшей сестре, и когда на следующий день Уиллингби приехал в коттедж, Элинора сама слышала, как Марианна осторожно сказала, что пока не сможет принять от него дорогой для нее подарок. Уиллингби, как человек воспитанный не стал настаивать, но искренне сожалел, что Марианна отказалась от этого знака внимания:

– Но, мисс Марианна, – сказал он ей в полголоса, – знайте, лошадь все равно ваша. Можете вы ею пользоваться сейчас или нет! Я буду держать ее у себя до тех пор, пока вы не покинете Бартон. А когда вы переедете отсюда в другое имение, моя Мэб будет ждать вас.

Все это было сказано, конечно же, не только для Марианны, но и для мисс Элиноры, у которой теперь не осталось сомнений в том, что отношения ее сестры и Уиллингби зашли уже достаточно далеко и влюбленные тайно помолвлены.

Младшая из сестер Маргарет тоже кое-что заметила, что еще раз подтвердило догадку Элиноры. Накануне вечером у них был Уиллингби, и девочка увидела такое, что немедленно со слезами рассказала старшей сестре.

– Элинора, – заплакала она, – я должна рассказать тебе один секрет о Марианне. Я уверена, что она скоро выйдет замуж за Уиллингби.

– Ты твердишь об этом каждый день, с тех пор, как он переступил порог нашего дома, – ответила Элино, – помнишь, через неделю после их знакомства ты сообщила, что наша Марианна уже носит его медальон у себя на шее. А это оказался портрет нашего прадедушки.

– Но, правда! Правда! Это совсем другая история, – рыдала Маргарет. – Теперь я точно уверена, что они скоро поженятся. Он взял ее локон себе.

– Ты уверена, Маргарет, может это локон его прадедушки?

– Нет, правда, Элино! Это локон Марианны. Он отрезал его сам. Прошлым вечером. Когда ты и мама вышли после чая из комнаты, они начали о чем-то шептаться очень быстро. Похоже, он просил ее дать ему что-то. Она вдруг взяла ножницы и отрезала свой локон, который был у нее прямо сбоку. Он поцеловал его. Завернул в белую бумагу и положил бережно в свою записную книжку.

После таких подробностей у Элино больше не осталось никаких сомнений. В наблюдательности и бесхитростности Маргарет она недавно убедилась сама, когда девочка по простоте душевной едва не выдала ее сердечную тайну. Однажды, когда миссис Дженнингс лукаво спросила ее в Бартон-Парке о том, есть ли молодой человек у Элино. Маргарет ответила, что не может сказать и, посмотрев на сестру, тотчас спросила: «Можно назвать его имя, Элино?».

Раздался дружный смех, и Элино, не подавая вида, тоже попыталась засмеяться, сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы стыда. Она так боялась, что наивная Маргарет назовет Эдварда, который тут же заочно подвергнется пикантным шуточкам миссис Дженнингс.

Тем временем Марианна, стараясь исправить неловкую ситуацию и защитить Элино, покраснела, рассердилась и строго-настрого запретила младшей сестре высказывать вслух свои глупые догадки.

– Какие же это догадки, – ответила девочка, глазом не моргнув, – ты же сама сказала мне об этом.

Общество замерло в ожидании, и Марианне надо было что-то сказать. Но миссис Дженнингс ловко перехватила инициативу, и пока старшие сестры не успели опомниться, снова дразнила Маргарет:

– Ой, ну, пожалуйста, мисс Маргарет, скажите же нам скорее, как его зовут?

– Но я, действительно, не могу сказать, госпожа. Хотя очень хорошо знаю, кто это!

– Ах, да. Конечно-конечно. Ну, раз не можешь... Тогда... Тогда мы сейчас постараемся угадать, где он живет. Наверное, в Норланде? Это, наверное, ваш приходской священник?!

– Нет, не священник. Он не на службе.

– Маргарет, – мягко сказала Марианна, стараясь не подавать вида. – Ты сама знаешь, что все это твои выдумки и что нет такого человека.

– Ну, тогда он только что умер, потому что я знаю такого человека. И его имя начинается с Э. – выпалила Маргарет.

Элино впервые была так благодарна леди Миддлтон за то, что та прервала разговор на самом интересном месте и глубокомысленно заметила, что за окном пошел сильный идет дождь. И сделала она это не для того, чтоб привлечь к себе внимание, а чтобы остудить пыл своего мужа и матери. Ее тут же поддержал Брэндон, который всегда тонко чувствовал настроение других, и тоже охотнее говорил о погоде, чем о любви, а Уиллингби вовремя открыл пианино и попросил Марианну сыграть что-нибудь. Таким образом, все отвлеклись от этой темы. Но только не Элино, которая долго оставалась под впечатлением этого разговора.

В тот же вечер дружная компания решила на следующий день посмотреть замечательное местечко в двенадцати милях от Бартон, принадлежавшее свояку полковника Брэндона. Тот не мог обойтись без совета человека, который долго пробыл за границей и знал толк в качестве почвы. По его словам, места там были замечательные. Поэтому сэр Джон, который вот уже десять лет дважды в год организовывал подобные поездки, тут же горячо поддержал эту идею.

Они выбрали скатерть пошире, так как на ней должно было располагаться главное развлечение пикника, запаслись холодными закусками и прохладительными напитками. Оставалось только нанять открытую коляску, чтобы свободно лицезреть окрестности. Правда, идея с открытой коляской, впрочем, как и сама поездка, у некоторых вызвала опасения, так как зарядили холодные осенние дожди, поэтому Элинора уговорила миссис Дэшвуд остаться в этот день дома, так как она где-то простудилась накануне.

Глава 7

Но поездка в Витвелл, что в двенадцати милях от Бартон, прошла не так плохо, как ожидала Элинора. Она приготовилась к бесконечному дождю, усталости и всевозможным неприятностям, которые могут возникнуть на размытой дороге в осеннюю распутицу. Но всё оказалось гораздо хуже, они вообще никуда не поехали.

Утро было многообещающим. В десять часов все собрались в Бартон-Парке, чтобы дружно позавтракать перед дорогой. День, вопреки вчерашним прогнозам, обещал быть солнечным. Дождь, который лил, не переставая, всю ночь, под утро прекратился. Подул ветер и сквозь облака стало проглядывать солнце. Вся компания еще сидела за столом, живо обсуждая предстоящую поездку, когда принесли почту. Слуга вручил конверт полковнику Брэндону. Он взял его, посмотрел на адрес, изменился в лице и немедленно вышел из комнаты.

– Что это с Брэндоном? – спросил сэр Джон.

Все молчали.

– Я надеюсь, что он не получил каких-то печальных известий, – предположила леди Миддлтон, – должно быть, это просто что-то очень неожиданное, раз полковник так решительно встал из-за стола и вышел за дверь.

Через пять минут он вернулся.

– Надеюсь, нет плохих новостей? – с любопытством осведомилась миссис Дженнингс, как только он вошел.

– Абсолютно никаких, спасибо, сударыня.

– Это было письмо из Авиньона? Надеюсь, что вашей сестре не стало хуже?

– Нет, мадам. Его прислали из Лондона. Это чисто деловое письмо.

– Но как могла какая-то рука чиновника, если это, действительно, просто деловое письмо, оторвать вас от нашего общества? Довольно, полковник. Это не так. Ну, скажите же нам правду! – не унималась пожилая леди.

– Мама! Дорогая моя, – вмешалась леди Миддлтон, – возьмите свои слова обратно.

Но миссис Дженнингс уже было не остановить, она не обращала внимания на замечание своей дочери и продолжала бесцеремонно расспрашивать полковника.

– А может быть, там написано, что ваша кузина Фанни вышла замуж?

– Нет, совсем нет, – спокойно ответил полковник Брэндон.

– Тогда я знаю, от кого оно! – воскликнула миссис Дженнингс. – Надеюсь, что она чувствует себя хорошо?

– Кого вы имеете в виду, сударыня? – переспросил полковник.

– О! Вы хорошо знаете, кого я имею в виду! Не обращая внимания на последний выпад миссис Дженнингс, полковник Брэндон обернулся к леди Миддлтон и учтиво сказал:

– Прошу прощения, но это письмо заставляет меня изменить планы на сегодня. Мне необходимо срочно уехать в город.

– В город? – воскликнула леди Миддлтон, – Но что же можно делать в городе сейчас? В такое время года?

– Жаль, но я вынужден отказаться от этой поездки, – заметил он, – мне обязательно надо быть сегодня в Лондоне, поэтому я не смогу сопровождать вас в Витвелл.

Трудно представить, как эти слова подействовали на сидящих за столом!

– Но, может быть, вы хотя бы напишите записку экономке в Уитвелл, мистер Брэндон? – взмолилась Марианна, – и этого будет достаточно, чтобы нас пропустили в именье?

Он покачал головой.

– Мы всё равно должны ехать, – сказал сэр Джон, – И мы не будем откладывать эту поездку, тем более всё готово, мы все настроились. Вы сможете отложить свой отъезд в столицу, хотя бы до завтра, мистер Брэндон?

– Боюсь, что мне больше нельзя терять ни дня.

– Но если бы вы сказали нам, какого рода это ваше дело, – заметила миссис Дженнингс, – мы, возможно, и посоветовали вам – отложить его или нет!

– Мистер Брэндон, задержитесь всего-то на шесть часов, сначала мы поедем все вместе Уитвелл, а когда вернемся, вы отправитесь в Лондон, – предложил Уиллингби.

– Извините меня, но я не могу себе позволить отложить ее даже на час, – холодно ответил Брэндон.

Элиноর услышала, как в этот момент Уиллингби наклонился к Марианне и громко сказал:

– Есть некоторые люди, которые не могут спокойно смотреть, когда другие счастливы. Брэндон – один из них. А может быть, он боится простыть и придумал всю эту уловку специально, чтобы избежать поездки. Я ставлю 50 гиней, что письмо написал он сам.

– Не сомневаюсь! – усмехнулась Марианна.

– Я понимаю, что у вас, видимо, нет никакой возможности отложить свой отъезд, Брэндон, – сказал сэр Джон. – Я знаю, что если вы что-то решили, то переубедить вас невозможно. Но все же я прошу вас еще раз подумать. Посмотрите, две миссис Кейри сегодня специально приехали из Ньютона, три миссис Дэшвуд пришли из коттеджа, а мистер Уиллингби поднялся даже на два часа раньше обычного! И все это ради того, чтоб посетить Уитвелл.

Полковник Брэндон еще раз извинился перед собравшимися и стал собираться в путь.

– Постойте, но когда вы сможете вернуться назад.

– Я надеюсь, что увижу вас в Бартоне снова, – добавила леди Миддлтон, – как только дела позволят вам покинуть Лондон. А мы пока отложим поездку в Уитвелл до вашего возвращения.

– Вы очень любезны, – ответил полковник. – Но пока абсолютно неясно, когда я смогу вернуться назад и не могу что-то обещать.

– О, вы просто обязаны приехать назад! Возвращайтесь поскорее! – воскликнул сэр Джон, – Если вы не вернетесь до конца недели, я сам поеду за вами в Лондон!

– Да, да! Вы правы, сэр Джон, – обрадовалась миссис Дженнингс, – А там заодно и узнаете, что это за дела были у полковника.

– Я не люблю копаться в чужих делах. Но думаю, что это такое известие, которого стыдятся.

Доложили, что подали лошадь полковника Брэндона.

– Вы же не собираетесь ехать верхом до самого Лондона. Не так ли? – спросил сэр Джон.

– Нет, только до Хонитона. Там я пересяду на почтовых лошадей.

– Раз вам так надо ехать, что ж, удачной дороги, но лучше бы вы передумали.

– Я заверяю вас, что всё это теперь не в моей власти! Ещё раз прошу всех извинить меня! – сказал Брэндон и начал прощаться со всей компанией.

– Мисс Дэшвуд, – обратился он к Элинор, – есть надежда увидеть вас и ваших сестер в Лондоне этой зимой?

– Боюсь, что нет, – ответила Элинор.

– Тогда, я хочу пожелать вам, чтоб все было хорошо и простится надолго! – сказал он Элинор и лишь молча поклонился Марианне.

– Послушайте, полковник. Но прежде чем Вы нас так надолго покинете, – не унималась миссис Дженнингс, – ну, пожалуйста, хоть намекните мне, почему вы уезжаете?

Он пожелал ей всего хорошего и вышел из комнаты в сопровождении сэра Джона.

Как только лакей прикрыл дверь за полковником, чувства, больше не сдерживаемые вежливостью, хлынули наружу. Все снова и снова повторяли, как им досадно, что поездка не сложилась.

– Могу предположить, что это за неотложные дела! – сказала миссис Дженнингс.

– Правда, можете, сударыня? – удивились почти все.

– Конечно. Это насчет мисс Уильямс, – я уверена.

– А кто такая эта мисс? – спросила Марианна.

– Что? Вы не знаете мисс Уильямс? Я была уверена, что вы уже слышали о ней раньше. Это родственница полковника, моя дорогая, и очень близкая. Мы не будем уточнять, до какой степени близкая, чтобы не смущать молодых леди, – и немного понизив голос, она сказала Элиноর, – Это – его настоящая родная дочь!

– Правда?!

– Да-да, и она очень на него похожа. Я смею сказать, что полковник живет только ради нее!

В этот момент сэр Джон вернулся в комнату и предложил придумать новое развлечение, раз уж все сегодня здесь собрались. Но его гости всё еще продолжали сожалеть о Уитвелле, и тогда, раз все уже настроились на поездку, то решили сегодня просто покататься. Были поданы экипажи, в первый со счастливым видом забрался Уиллингби, подал руку Марианне. И они понеслись, не дожидаясь остальных. Он гнал коней через парк так быстро, что скоро влюбленные скрылись из виду. И никто ничего не слышал о них до обеда, пока они не вернулись самыми последними. Оба были очень возбуждены ездой и довольны. Своё отсутствие они объяснили тем, что поехали в объезд по узкой дороге, в то время как все остальные отправились напрямую через холмы.

Вечером решили устроить танцы. К обеду подтянулись еще несколько представителей семейства Кейри. За столом собрались человек двадцать, на которых гостеприимный сэр Джон глядел с большим удовлетворением. Уиллингби занял своё место между двумя старшими сестрами Дэшвуд, справа от Элинор села миссис Дженнингс. Не успели все рассестись, как она наклонилась к Марианне и Уиллингби и сказала довольно громко:

– А я знаю, не смотря на все ваши уловки, где вы были сегодня утром!

Марианна, покраснела и заметила очень застенчиво: – Где же?

– Разве вы не знаете, – не растерялся Уиллингби, – конечно, в моей парной двуколке.

– Да, да, конечно, Мистер Бесстыдство, я это очень хорошо знаю! Но также смогла узнать, где вы были еще. Я думаю, что вам понравился Ваш дом, Марианна? Он очень большой. Правда? Надеюсь, что когда я приеду вас там навестить, то вы к этому времени купите новую мебель? Он давно нуждается в хозяйке, насколько я могу судить, ведь я сама жила там еще лет шесть назад. Марианна быстро вышла из комнаты, сгорая от стыда. Уиллингби – за ней. Миссис Дженнингс расхохоталась от всего сердца. Тут Элинор узнала, что любопытная миссис Дженнингс только что расспросила их говорливого конюха. От него она и узнала, что влюбленные ездили в Алленхэм, бродили по парку и довольно много времени провели в доме.

Элинор с трудом могла в это поверить! Неужели Уиллингби решил познакомить Марианну с миссис Смит, и она так запросто отправилась в гости к даме, которой не была представлена.

Как только пара возвратилась, старшая сестра начала расспрашивать младшую и с удивлением узнала, что все, о чем рассказала миссис Дженнингс, оказалось правдой. Марианна не скрывала своей досады.

– А почему ты считаешь, Элинор, что нам, вообще, не следовало ехать туда? Или мне уже нельзя и дом посмотреть? Может быть, ты просто завидуешь мне, потому что сама бы на это никогда не решилась?

– Да, Марианна. Я бы никогда не поехала туда, как минимум по двум причинам. Во-первых, это неприлично осматривать дом, переходящий по наследству, пока его хозяйка еще в добром здравии. Во-вторых, я бы не поехала туда, пока у меня не появился бы второй попутчик, кроме мистера Уиллингби.

– Мистер Уиллингби, между прочим, – единственная персона, которая имеет право показывать мне этот дом! А так как мы ехали в открытом экипаже, то в нем не было места ни для кого другого. Я еще не имела такого приятного утра в своей жизни!

– Я боюсь, – заметила Элинора, – что приятность занятия не всегда соответствует его праведности!

– Элинора! Поверь, ничто не может доказать правоту моих слов, как то, что с моей стороны ничего несправедливого не было! И быть не могло. Ведь когда совершаешь неблагоприятный поступок, потом не находишь себе места.

– Но, дорогая Марианна, как ты только что заметила сама, ты уже сомневаешься в своем поведении.

– Если колкие намеки миссис Дженнингс – главные доказательства моего неправильного поведения, то тогда это клеймо на всю жизнь, – усмехнулась Марианна. Это не те советы, к которым стоит прислушиваться. Я знаю, что была благоразумна, когда ступала по земле, принадлежащей миссис Смит и осматривала ее дом. Когда-нибудь все это будет принадлежать мистеру Уиллингби и ... – она не договорила.

– Даже если всё это когда-нибудь будет твоим, то тебе не придется краснеть за то, что сегодня произошло, Марианна.

При этих словах Марианна залилась краской, а через несколько мгновений, собравшись с духом, сама начала разговор, оборвавшийся на полуслове.

– Возможно, Элинора, я была не права, поехав в Алленхэм. Но мистер Уиллингби очень хотел показать мне это место и этот очаровательный дом. Знаешь, там есть одна замечательная маленькая комнатка наверху, как раз для нас, которую современная мебель сделает очень уютной. Это угловая комната с окнами на две стороны. Из одного окна открывается живописный вид на луг за домом и перелесок, с другой – на храм и деревеньку вдали, а за ними – холмы, холмы, которые мы так полюбили. Я думаю, что мы для начала обставим эту комнату. Всего пара сотен фунтов, как сказал Уиллингби, и это будет самое уютное гнездышко во всей Англии.

Если бы в этот увлекательный разговор не вмешались, то Элинора смогла бы услышать, столько еще замечательных комнат есть в этом старом доме и сколько надо заплатить за их обстановку.

Глава 8

Внезапный отъезд полковника Брэндона из Бартон-Парка и его упрямое нежелание объяснить причину лишили покоя миссис Дженнингс. Она уже три дня сгорала от любопытства и строила всевозможные беспочвенные предположения. Наконец, она пришла к выводу, что случилось что-то страшное, а именно страшно важное и страшно печальное. Но всё же, несмотря на весь «ужас» произошедшего, она по-прежнему считала, что Брэндон не должен был отменять прогулку с друзьями.

– Произошло настолько что-то ужасное, что об этом ему даже говорить было страшно, – рассуждала она. – Я сразу поняла этого по его лицу. Бедный человек! Я боюсь, что он стал жертвой обстоятельств... Имение Делафорд никогда не давало дохода более двух тысяч фунтов в год. А его брат – некудышный хозяин. Я думаю, что это он разорился и попросил у полковника денег. А что еще может быть ужаснее? Хотя... Возможно, это касается мисс Уильямс... Кстати, вы заметили, как он сразу сосредоточился, когда я о ней вспомнила? Может быть, она заболела в Лондоне? Ой, она такая слабенькая и болезненная. Предлагаю любое пари, что дело касается именно мисс Уильямс. Как я сразу не догадалась! Вряд ли из-за каких-то там делишек Брэндон так поспешно отправился в Лондон. Да и с делами у него всегда всё в порядке, так как он очень благоразумный человек и имение у него в идеальном состоянии... Я вся в нетерпении. Что же там произошло? А может быть, всё-таки не дочери, а его сестре стало хуже в Авиньоне, и она послала за ним. Он так спешил, как можно торопиться только к любимому человеку... Ой, ну, как бы там ни было, я желаю ему поскорее выбраться из этих неприятностей, а вместо всяких там дел желаю ему найти хорошую жену.

Элинор, которая теперь была равнодушна к судьбе полковника, тоже беспокоилась о нем, но не высказывала своих предположений вслух, как это делала миссис Дженнингс. Она не считала, что в Лондоне случилось нечто трагическое, но ей тоже было интересно узнать, что же произошло? В то время как вся компания строила догадки о причине срочного отъезда Брэндона, ее сестра и Уиллингби хранили гробовое молчание и даже не отпускали в адрес полковника своих язвительных шуточек, это настораживало Элинор, поскольку эта тема должна была их интересовать. Молчание с их стороны продолжалось день ото дня и это еще больше удивляло ее.

Беспокоила ее и отсрочка их свадьбы. Элинор понимала, что причина кроется, видимо, в финансовых затруднениях Уиллингби, которого сложно было назвать богатым джентльменом. Его поместье, по расчетам сэра Джона, приносило в год фунтов семьсот – восемьсот, но жил он явно не по средствам, и часто жаловался на безденежье. Элинор казалось странным, что Марианна и Уиллингби до сих пор держат свою помолвку в тайне, при этом, не скрывая от окружающих свои близкие отношения. А была ли тайная помолвка? Может быть, ничего и не было. Это вопрос настолько волновал Элинор, что она решилась открыто поговорить с младшей сестрой.

Казалось, что лучшего и желать было нельзя, Уиллингби был сама любезность с миссис Дэшвуд и обеими сестрами Марианны, а саму Марианну окружал такой нежностью, на какую только способно влюбленное сердце. Их скромный коттедж стал для него вторым домом, и он бывал у них намного дольше, чем у себя в Алленхэме. И если их всех не приглашали в Бартон-парк, то с утра пораньше он уже был у них и оставался до самого вечера. Весь день он проводил с Марианной, а его любимый пойнтер лежал у ее ног. Но о женитьбе пока не было и речи.

Спустя неделю после отъезда полковника, когда Уиллингби снова засиделся у них допоздна, миссис Дэшвуд, невольно считая его членом своей семьи, упомянула о своем желании весной немного перестроить коттедж. Уиллингби был решительно против.

– Что! – воскликнул он. – Перестраивать этот дорогой мне коттедж. Нет! На это я никогда не соглашусь! Ни камня не дам ни прибавить ни убавить к стенам этого благословенного дома, которому отныне принадлежат мои чувства.

– Не стоит так волноваться, – сказала Элинора, – до перестройки дома дело не дойдет, так как у нашей матушки нет на это средств.

– Я так сердечно этому рад! – обрадовался он. – Оставайтесь всегда так же бедны, если это позволяет вам оставаться счастливыми людьми!

– Спасибо, Уиллингби, – ответила с улыбкой мать семейства. Можете не сомневаться, ради комфорта я не принесу в жертву сентиментальные чувства близких мне людей, к которым я отношу и вас. Что же касается денег? Весной я получу свои выплаты, но уж лучше приберегу их на потом, чем расстрою вас. Неужели Вам, на самом деле, так нравится этот дом, что вы не находите в нем никаких изъянов?

– Да, очень, – сказал он. – Для меня он само совершенство! Более того, я считаю только этот тип дома достойным местом для простого человеческого счастья. Если бы вы знали, как я счастлив в нем! Хочу сказать, что даже свой дом я хочу перестроить в коттедж!

– С такими же грязными узкими лестницами и кухней, которая дымит? – заметила Элинора.

– Да, – воскликнул он таким же невозмутимым тоном, – он будет точной копией этого, со всеми его удобствами и недочетами! Снова и снова я повторяю, что нигде я не был так счастлив, как под крышей этого дома!

– Я лгу сама себе, – заметила Элинора, – что нигде даже в лучших домах и комнатах, вы не встретите большего к себе расположения, чем здесь!

– Разумеется, что в жизни могут быть разные обстоятельства, – сказал Уиллингби, – Но это не значит, что они смогут изменить мое доброе отношение к этому месту и всем, кто здесь живет.

Миссис Дэшвуд посмотрела с удовольствием на Марианну. Ее прекрасные глаза были устремлены на Уиллингби и откровенно говорили, как хорошо она его понимает.

– Знаете, когда я жил один, как затворник, в Алленхэме, – продолжал Уиллингби, – я так страстно желал, чтобы хоть одна живая душа поселилась поблизости, в этом коттедже. Каждое утро я проходил мимо него и ждал. Как я был счастлив, когда узнал от миссис Смит, что этот милый коттедж в Бартон-Парке снова ожил! Но это ничто, по сравнению с тем чувством счастья, которое я ощутил здесь! Разве это не так, Марианна? – сказал он с любовью в голосе и выразительно посмотрел на девушку, а затем продолжил уже обычным тоном. – Я прошу вас, миссис Дэшвуд, не переделывайте этот милый дом, чтобы он не утратил свою неповторимую атмосферу... Не приносите ее в жертву ради простых удобств... А эта милая гостиная, в которой мы познакомились и провели столько счастливых часов? Если вы уберете эту стену, она превратится в коридор, по которому все будут проходить мимо и даже не вспомнят о том, что здесь было.

Миссис Дэшвуд еще раз заверила гостя, что пока оставит в этом доме всё, как есть.

– Вы так добры ко мне, миссис Дэшвуд! – сказал он искренне и тепло. – Вы подарили мне надежду. Если вы выполните еще одну мою небольшую просьбу, то я буду на небесах от счастья. Обещайте же мне, что не только ваш дом, но и вы, и ваша семья останутся без изменений! И чтобы ни случилось с нами завтра, вы всегда будете ко мне так добры, как сейчас.

Такое обещание тут же было ему дано, и Уиллингби весь остаток вечера выглядел, как и обещал, счастливым и умиротворенным.

– Надеюсь, завтра мы увидим вас за обедом? – спросила миссис Дэшвуд, когда он уезжал от них, – Я не приглашаю вас с утра, так как мы должны быть в Бартон-Парке и нанести визит леди Миддлтон.

Он пообещал быть у них в четыре.

На следующий день миссис Дэшвуд отправилась к леди Миддлтон только с двумя своими девочками. Марианна нашла какой-то неубедительный предлог, чтобы остаться дома. Ее мать не настаивала, так как догадалась, что Марианна хочет поговорить с Уиллингби тет-а-тет, в том, что он опять приедет к ним с утра пораньше, мисс Дэшвуд не сомневалась. Когда они возвращались домой, ее догадка подтвердилась. Издалека они заметили около коттеджа парную двуколку Уиллингби, и слугу, который ожидал у калитки.

Но то, что произойдет в ее доме через несколько минут, миссис Дэшвуд не могла себе и представить. Когда они вошли, из гостиной выбежала заплаканная Марианна, прижимая платочек к глазам и не замечая их, бросилась вверх по лестнице. Они вошли в гостиную, где у камина увидели Уиллингби, который сидел к ним спиной и молча смотрел на огонь. Гость обернулся и по выражению его лица все поняли, кто является причиной горьких слез Марианны.

– Что с ней, Уиллингби? Она заболела? Ей плохо? – воскликнула миссис Дэшвуд.

– Я надеюсь, что нет, – ответил Уиллингби, стараясь быть вежливым с натянутой белозубой улыбкой, которую он не преминул продемонстрировать и тут же добавил, – Похоже, это мне надо быть больным, потому что я страдаю от разочарования!

– Разочарования?

– Да, потому что я не имею возможности больше встречаться с Марианной. Сегодня утром у меня был разговор с миссис Смит. Она наглядно объяснила мне, кто хозяин в этой жизни. Увы, бедные родственники вынуждены подчиняться богатым, поэтому я не могу ослушаться миссис Смит и по ее срочному поручению уезжаю в Лондон. Я уже простился с ней и Алленхэмом и теперь вот, полный противоречивых чувств, приехал к вам... попрощаться.

– В Лондон?... И вы собираетесь уезжать уже завтра утром?

– Нет, я еду прямо сейчас.

– Но, это так некстати. Но миссис Смит вам действительно неловко отказать. Но надеюсь, что ее дела не разлучат вас с нами надолго? – учтиво поинтересовалась миссис Дэшвуд.

При этих словах Уиллингби залился краской.

– Вы очень добры! Но я даже не знаю, когда я смогу вернуться в Девоншир. Мой следующий визит к миссис Смит будет в лучшем случае через год.

– Но разве миссис Смит – ваш единственный друг? И разве Алленхэм – единственный дом, где вам рады? Постыдитесь, Уиллингби. Неужели вы не можете принять наше приглашение?

Он покраснел еще больше и, потупив взгляд, прошептал:

– Как вы добры, сударыня.

Потрясенная миссис Дэшвуд посмотрела на Элинора с изумлением. Старшая дочь выглядела растерянной. Они обе молчали некоторое время, не зная, что сказать. Уиллингби тоже не проронил ни слова. Наконец, миссис Дэшвуд, собравшись с духом, заговорила первой:

– Я могу только прибавить к сказанному, мой дорогой Уиллингби, что вы всегда желанны в Бартон-Коттедже! Это я говорю не для того, чтоб вы остались здесь прямо сейчас и этим рассердили миссис Смит. Только вы сами знаете, чем может вам грозить ее гнев! Поэтому мы сейчас не обсуждаем, когда вы приедете к нам. Решение за вами.

– Мое обещание сейчас, – пробормотал Уиллингби застенчиво, – касаются такой темы, что я, право, не могу даже надеяться, что когда-нибудь...

Он осекся на полуслове. У миссис Дэшвуд перехватило дыхание, и она не могла говорить. Возникла нелепая пауза, которую нарушил Уиллингби, с глупой улыбкой на лице он протараторил:

– Я думаю, что мы всё сказали друг другу и нет смысла продолжать этот разговор. Я не могу больше мучить себя, находясь в обществе друзей, которых далее не смогу посещать...

Он быстро обвел всех взглядом и выбежал из гостиной. Они видели в окно, как он прыгнул в свой экипаж, и через несколько минут скрылся из виду.

Миссис Дэшвуд была так обескуражена, что не находила слов и ходила из угла в угол в своей крохотной бедной гостиной. Эти инстинктивные метания, должно быть, помогали развеять ей тревогу, вызванную неожиданным отъездом так и несостоявшегося зятя.

Элино́р тоже была в потрясении, но в отличие от своей матери, она не металась по дому, а переживала все чувства глубоко в душе. Их последний разговор врезался ей в память странными подробностями: Уиллингби был не похож сам на себя, нервничал, краснел, натянуто шутил, отверг приглашение ее матери поселиться у них и, наконец, просто сбежал, не попрощавшись. Еще вчера он восторгался их коттеджем и вел себя, как настоящий влюбленный, а сегодня... О ужас! Элино́р впервые допустила невероятную мысль, что у Уиллингби никогда не было серьезных намерений в отношении Марианны. Сначала она предположила, что между влюбленными произошла бурная ссора, но истерика Марианны свидетельствовала о другом – между ними произошел разрыв.

Что послужило причиной их расставания было неясно, но горе ее сестры казалось безграничным. Элино́р сочувствовала ей всем сердцем, но Марианна не искала в ее сочувствии облегчения своим страданиям, а наоборот, горько несла свой крест. Через полчаса в гостиную вернулась мать. Несмотря на то, что ее глаза были красными и припухшими от слез, она старалась вести себя, как ни в чем не бывало.

– Наш дорогой Уиллингби, теперь, наверное, всего в нескольких милях от Бартона, Элино́р, – сказала она, сев за шитье, – но с каким тяжелым сердцем он поехал!

– Все это очень странно, мама! Так поспешно уехать! Какое-то невероятное стечение обстоятельств. Еще прошлым вечером мы были все так счастливы, но какие-то десять минут полностью перевернули все! Самое ужасное из всего, что только можно нам пожелать! Да и говорил он и вел себя не так как всегда. Ты сама это видела, мама. Что всё это может значить? Может они поссорились? Что еще могло его заставить отказаться от твоего приглашения?

– Нет, он не отказался. Он хотел, но не смог его принять, Элино́р. Сначала мне всё это тоже показалось очень странным, как тебе, но потом я всё обдумала и во всем разобралась.

– Правда?

– Да, мне теперь всё абсолютно ясно. Впрочем, тебя, Элино́р, которая сомневается везде, где только может, моя версия, видимо, не убедит. Но думаю, что дело обстоит именно так. Миссис Смит стали известны его отношения с Марианной. Не одобряя его выбор (возможно, у нее были другие виды на него!), она решила немедленно удалить его отсюда. А все эти дела, которые она ему поручила, не что иное, как просто уловка, чтоб отправить подальше. Кроме того, он сам подозревает, что старая леди не одобряет его связь, поэтому он сейчас не объявил о своей помолвке с Марианной. Вся эта ситуация ставит его в неловкое положение, он страдает от своей зависимости от богатой тети, но вынужден согласиться и уехать по первому ее требованию из Девоншира. Только не говори мне сразу: «Может быть, так, а может, и нет». Я не желаю выслушивать каких либо приди́рок к моим доводам, пока ты не найдешь другое объяснение всему этому! А теперь, Элино́р, что ты на это скажешь?

– Ничего, мама. Ты уже сама заранее озвучила мой ответ.

– Но тогда скажи хотя бы своё обычное: «Может быть, так, а может, и нет». Я всегда не могу понять, что ты чувствуешь на самом деле! Ты во всем видишь только плохое, а не хорошее, ты сейчас, наверное, думаешь о том, что Уиллингби виноват перед Марианной и не

пытаешься понять истинные причины его поведения. Да, я вижу, ты осуждаешь его за то, что он так поступил с нами. Но кто сказал, что даже порядочный мужчина не может оступиться? Возможно, у него были мотивы, которые вообще необъяснимы, и он пока вынужден сохранять их в тайне?

– Мне трудно поставить себя на место Уиллингби. Но искренне хочется верить, что такая резкая перемена в его поведении всё-таки имела веские основания, а не была беспочвенной. Я думаю, мама, ты недалеко от истины в своих суждениях. Но если у него и были какие-то тайные мотивы, то почему бы ему не сказать о них прямо? Ведь это так ему свойственно, всё говорить в глаза. А тут вдруг такая скрытность?

– Я так и думала. Ты осуждаешь его. Пойми, он жертва обстоятельств, которые оказались сильнее его. Он уехал против своей воли. По необходимости. Но, если ты, действительно, согласна с моей версией, то я счастлива, да и он оправдан!

– Не совсем. Возможно, миссис Смит, на самом деле, против этой помолвки, если это помолвка, но почему бы Уиллингби не рассказать нам всё как есть, ведь мы же не чужие ему люди? Зачем скрывать помолвку от нас?

– Скрывать это от нас? Моя дорогая девочка, ты что, обвиняешь Уиллингби и Марианну в скрытности? Это странно слышать, тем более, что ты сама каждый день призывала Марианну не выставлять свои чувства напоказ?

– У меня нет доказательств каких-либо их отношений, – сказала Элинора, – но весть об их помолвке...

– Я достаточно довольна и первым, и вторым известием!

– Но ведь ни он, ни она и слова об этом пока не сказали!

– А я и не хочу никаких слов, поступки говорят сами за себя. Да разве его поведение и отношение к нам последние две недели, не лучшее доказательство того, что он любит ее и рассматривает как свою будущую жену? И что?! Он вел себя как наш близкий родственник! Или, может быть, я чего-то не понимаю? Моя милая Элинора, разве можно было после всего этого, сомневаться в их помолвке? Как такая мысль пришла тебе в голову? Как можно было подумать, что Уиллингби, после доказательств нам своих чувства к Марианне, сможет покинуть ее на долгие месяцы? Не предложив руку и сердце?

– Я принимаю все оправдания, – сказала Элинора, – в пользу помолвки, кроме одного. И это одно перевешивает все другие – их обоюдное молчание при расставании.

– Как странно все это! Ты, конечно, можешь плохо подумать о нем. Но что касается их взаимных чувств, то это их глубоко личное. Или ты думаешь, он действительно, не имел серьезных намерений или разочаровался в Марианне?

– Нет, сейчас я так не думаю. Он должен любить ее, и я уверена, всё еще любит ее.

– Но что же это за любовь, если он покидает ее с такой легкостью, без всяких обязательств, как ты сама только что сказала?

– Ты должна помнить, моя дорогая мама, что я никогда не была уверена до конца, что они помолвлены. У меня всегда были сомнения на этот счет. Но они всегда были такими смутными, и, возможно, исчезли бы совсем, если бы я нашла какое-то подтверждение этой тайной помолвки.

– Хорошенькое дело! Наверное, ты согласишься в их помолвку только тогда, когда ты увидишь их перед алтарем. Мне больше не надо никаких доказательств, но почему ты не доверяешь им? Конечно, сомневаться в своей сестре ты не можешь, но за что ты так недолюбливаешь Уиллингби? Он – благороднейший человек с чувствительной душой, как ты можешь видеть в нем коварного обманщика?

– Нет! Я надеюсь, что нет, что он неспособен на обман. Я люблю Уиллингби, искренне люблю, и подозрения в его адрес меня ранят также больно, как и тебя. Ни в коем случае я не считаю его двуличным. Меня просто насторожило его поведение, я никогда не видела его

таким, как сегодня. Надеюсь, что виной всему сложная ситуация, в которой он оказался. Но почему бы ему не рассказать обо всем открыто нам, своим друзьям. Тем более, что это в его характере – всегда говорить в лицо другим, то, что он думает, даже если это ранит окружающих. Но, к сожалению, трудно предсказать, как поведет себя человек в той или иной ситуации.

– Очень мило! Вот видишь, у нас нет оснований не доверять Уиллингби. Пусть мы знаем его недавно, но всем остальным он очень хорошо знаком в Девоншире и никто ни разу не сказал о нем ничего дурного. Ах, если бы он не был связан финансовыми трудностями и мог сам назначить дату своей женитьбы, то, несомненно, поступил бы иначе. Он просто вынужден был уехать не простившись и не поставив нас в известность... Только уж очень как-то все сразу... Но это не важно! Может быть, пока и в правду не стоит трезвонить направо и налево о помолвке.

В этот момент в комнату вошла Маргарет, и дамы умолкли в ее присутствии, а у Элинор появилась возможность обдумать в тишине разумные доводы матери. Как бы она хотела, чтобы все они оказались верными.

Марианна спустилась из своей комнаты только к обеду и заняла своё место за столом, не проронив ни слова. Ее глаза были красными и припухшими от слез, казалось еще мгновение и слезинки снова покатятся по щекам. Она боялась встретиться взглядами с матерью и сестрами и не притронулась к еде. Растроганная мать с нежным сочувствием погладила ее по руке и Марианна больше не смогла сдерживать переполнявших ее чувств – она разрыдалась и выбежала из комнаты.

Она проплакала наверху до самого вечера и была так измотана, что на нее больно было смотреть. Малейшее напоминание о Уиллингби переполняло ее душу и из блестящих глаз снова и снова срывались слезинки. В доме теперь старались и не вспоминать о Уиллингби, но это мало помогало Марианне, куда бы она ни бросила взгляд, всё в этом маленьком летнем коттедже напоминало ей о нем.

Глава 9

Первая ночь после разрыва с Уиллингби была ужасной. Марианна так и не сомкнула глаз до рассвета, укоряя себя за доверчивость и легкомыслие. Утром ей было стыдно смотреть в глаза матери и сестрам, она тихо встала с постели, спустилась в гостиную, и, собравшись с силами, пообещала себе не разрыдаться при первых же словах утешения от них. Но тут же нарушила данное себе обещание: чувства взяли верх и слезы тихо покатались по щекам. Она вся сжималась от нестерпимой боли при малейшей попытке миссис Дэшвуд и Элиноর, хоть как-то утешить ее и всем своим видом отталкивала их сострадание, чем еще больше расстраивала мать и сестру. Когда сели завтракать, Марианна снова не притронулась к еде и, медленно поднявшись из-за стола, вышла в сад, в надежде, что на свежем воздухе сильная головная боль после бессонной ночи пройдет, и она сможет отвлечься от грустных мыслей.

Но, сама того не замечая, она отправилась в окрестности деревушки Алленхэм и отрешенно бродила по знакомым тропинкам, вспоминая о своем недавнем безмятежном счастье.

К вечеру ее душевная тоска только усилилась. Марианна села за фортепиано и раз за разом проигрывала одни и те же любимые мотивы, которые она напевала вместе с Уиллингби, и каждый звук наполнял ее сердце воспоминаниями. Наконец, они переполнили ее настолько, что уже никакая новая душевная рана не причиняла ей боль. Она часами сидела за инструментом, пела и плакала. Ее прекрасное пение то и дело обрывалось и через секунду из гостиной доносились громкие рыдания. Любимые книги тоже оказались плохими врачами, поэтому она изредка перелистывала лишь пару томов, которые особенно нравились Уиллингби.

Но такое бурное испепеляющее чувство не могло сжигать ее изнутри вечно. Через несколько дней отчаяние перешло в тихую меланхолию, она по-прежнему еще плакала и предпочитала совершать прогулки в одиночестве, откуда неизменно возвращалась вся в слезах, но внутренне Марианна стала немного сильнее.

От Уиллингби не было ни одного письма, и, похоже, Марианна их не ждала. Элинор снова забеспокоилась по этому поводу, но мать, считала, что всё идет своим чередом и снова находила разумные объяснения всему, чему хотела.

– Это даже хорошо, что он не пишет, Элинор, – сказала как-то она, – ведь все письма нам привозит сэр Джон, поэтому нам вряд ли бы удалось сохранить нашу тайну.

Элинор согласилась с матерью, что так действительно проще сохранить тайну их помолвки, но, вдруг предложила отбросить все романтические объяснения и прямо спросить Марианну, помолвлена ли она с Уиллингби.

– Мама, может быть, ты спросишь Марианну, – сказала она, – связана она обязательством о помолвке с Уиллингби или нет? От тебя, своей матери, такой доброй и такой всепрощающей, этот вопрос будет более уместен, чем от меня. Она обязательно скажет тебе правду.

– Ни за что на свете я не задам такой вопрос Марианне! Возможно, что он не обещал ей ничего. Тогда представь, как ей станет больно? К тому же, это так навязчиво! Я никогда не заставлю ее рассказать правду, после того, как мы добивались признания о том, что произошло и по какой причине. Я знаю Марианну, и знаю, что она действительно меня любит... И я буду не последней, кому она расскажет об своих отношениях. Я не хочу выпытывать признания у своего ребенка, потому что мой долг поддерживать ее в любой ситуации.

Элинор намекнула матери, что ненавязчивость иногда может привести к трагедии, принимая во внимание юный возраст ее сестры и важность всей этой истории для ее дальнейшей жизни. Но материнская тревога и здравый смысл, свойственные взрослой женщине, без следа растворились в романтической деликатности миссис Дэшвуд.

Прошло всего несколько дней и имя мистера Уиллингби вновь прозвучало в присутствии Марианны. Сэр Джон и миссис Дженнингс, естественно, не были столь учтивы, и их любопытные расспросы только подливали масло в огонь. В один из вечеров миссис Дженнингс, случайно взяв томик Шекспира, воскликнула:

– О, вы не окончили читать «Гамлета», Марианна! Остановились на самом интересном месте, вижу осталось совсем немного. Давайте, отложим эту книжицу до возвращения нашего дорого Уиллингби, а то он вернется, а мы уже без него перевернули последнюю страницу. Хотя... А вдруг он приедет только через несколько месяцев.

– Месяцев? – воскликнула Марианна в сильном удивлении. – Нет, всего несколько недель!

Миссис Дженнингс замолчала, пожалев, что вспомнила о нем так некстати. Зато Элинор вздохнула с облегчением, теперь она не сомневалась, что Уиллингби что-то пообещал Марианне и даже, возможно, назвал дату своего возвращения.

Прошла неделя с тех пор, как он покинул Девоншир. Это было первое утро после его внезапного отъезда, когда Марианна решила пройтись не одна, а с сестрами. Однако на прогулке она всё равно старалась держаться особняком. Если ее сестры хотели пройтись по холмам, она мгновенно сворачивала на узкие боковые дорожки. Если они намеривались спуститься в долину, она тут же взбиралась на холмы и исчезала там, пока они не догоняли ее. Однако Элинор не обращала внимания на капризы сестры и покорно следовала за ней, боясь оставить ее одну в таком состоянии. Наконец, барышни утомились и Элинор предложила отдохнуть на краю живописной долины, которая была все еще зеленой, и где начиналась извилистая дорога, которая когда-то привела их в Бартон. Сестры остановились, огляделись по сторонам и вдруг вдалеке увидели свой коттедж, с этой новой точки они никогда раньше не рассматривали его. Позади на холме они вдруг заметили движущийся силуэт – это был всадник, который направлялся прямо к ним. Как только всадник приблизился, Марианна восторженно закричала:

– Это он! Конечно это он, я знала это! – и бросилась ему на встречу. Элинор только успела крикнуть ей в след:

– Постой, Марианна! Ты ошибаешься. Это не Уиллингби. Этот человек ниже ростом и у него не та осанка.

– Та! Та! – воскликнула Марианна, – Конечно его! Его внешность, его одежда, его лошадь. Я всегда знала, что он скоро вернется!

И она, не останавливаясь, быстро пошла навстречу незнакомцу. Элинор, которая точно знала, что это не Уиллингби, чтобы защитить сестру от недоразумения, поспешила за ней. Когда до всадника оставалось ярдов тридцать, Марианна присмотрелась к нему и остановилась. Вдруг она резко повернулась и побежала назад, как вдруг услышала голоса своих сестер и третий такой же знакомый мужской голос. Когда она снова остановилась, то с удивлением узнала всадника, это был Эдвард Феррарс.

И это сейчас был единственный человек в мире, который мог быть прощен за то, что не был Уиллингби, единственный, кто мог получить от нее улыбку. И она, сдерживая свои слезы, ответила на его приветствия и к радости ее сестер на некоторое время забыла о своих несчастьях.

Эдвард спешил и пошел рядом с ними в Бартон, куда, как выяснилось, он и направлялся.

Все три сестры ему несказанно обрадовались, особенно Марианна, что удивило Элинор. Для Марианны – это была встреча ее сестры со своим героем, счастливое продолжение их холодного романа в Норланде. Для Эдварда – не больше, чем встреча с любимой женщиной. Похоже, он был в замешательстве от этой неожиданной встречи по дороге в Бартон и невпопад отвечал на вопросы Элинор. Марианна сразу обратила на это внимание и снова начинала

недолюбливать Эдварда за его неуклюжесть, невольно сравнивая его с Уиллингби, чьи манеры были безупречны.

– Вы к нам, наверное, прямо из Лондона? – спросила она с надеждой, наивно полагая, что все, кто бывает в Лондоне, наверняка знакомы с Уиллингби.

– Нет, я уже недели две, как приехал в Девоншир, – ответил Эдвард.

– Две недели? – переспросила Марианна, удивляясь, что он так долго здесь и до сих пор не встретился с Элинором. Она еще больше разочаровалась, когда узнала, что Эдвард остановился не у них, а у каких-то друзей недалеко от Плимута.

– А Вы давно уехали из Сассекса? – спросила Элинора.

– Уже почти месяц, как я уехал из Норланда.

– И как там дорогой наш Норланд поживает? – воскликнула Марианна.

– «Дорогой, дорогой Норланд», – передразнила ее Элинора, – всё как всегда, – усеян опавшей листвой. Ах! – вздохнула Марианна. – Я помню эту завораживающую пору, прозрачный сад... Как мне нравилось бродить по дорожкам Норланда, когда ветер кружит опавшую листву. Это незабываемо! Жаль, что от того безмятежного времени не осталось и следа. Здесь всегда тщательно подметают опавшую листву, складывают в кучи и вывозят с глаз долой.

– Здесь нет никого, – сказала Элинора, – кто испытывал бы такие же чувства к опавшим листьям, как ты.

– Да, меня многие никогда не понимали... – произнесла она в глубокой задумчивости...

И вновь оживилась:

– Вот, пожалуйста, посмотрите, Эдвард, это долина Бартон. Однажды увидев, вы не сможете забыть ее никогда. Взгляните на эти живописные холмы! Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное? Вон там – Бартон-Парк, видите эти деревья? А за ними уже виднеется уголок нашего дома, а вот у холма и наш коттедж во всей красе.

– Здесь, действительно, очень красиво, – заметил он, – а как там у подножья холма? Нет слякоти зимой?

– Как можно думать о грязи при виде такой красоты?! – удивилась Марианна.

– Увы, – заметил он с улыбкой, – к этим живописным холмам мы идем по достаточно грязной дороге.

– Вы удивляете меня, – сказала Марианна вслух, скорее, сама себе, чем собеседнику. Эдвард как будто не услышал этих слов и продолжал:

– У вас хорошие соседи здесь? А Миддлтоны – приятные люди?

– Нет, с ними нам не повезло! – не задумываясь, ответила Марианна.

– Марианна, – не выдержала Элинора, – как ты можешь такое говорить?! Как ты можешь быть, так несправедлива? Они очень уважаемая семья, мистер Феррарс, и относятся к нам с дружеским расположением. Разве ты забыла, Марианна, сколько приятных дней мы провели вместе с ними?

– Всё равно «нет», – сказала Марианна тихим голосом, – а также столько болезненных минут!

Теперь Элинора пропустила мимо замечания сестры и постаралась занять гостя рассказом об их новом доме, бытовыми условиями, предстоящим ремонтом и прочими житейскими вопросами, которые иногда так удачно отвлекают собеседника от личных проблем. Но Эдвард говорил неохотно, и его холодность и сдержанность сильно обижали ее. Элинора была вне себя от досады, но решила не выдавать себя ради прежних встреч, и продолжала беседовать с ним так, как беседуют близкие друг другу люди.

Миссис Дэшвуд, похоже, и не удивилась, увидев на пороге летнего коттеджа мистера Эдварда, его приезд в Бартон, казался, ей вполне естественным.

Она была искренне рада и не сводила с нового гостя своих счастливых глаз. Нахлынувшие воспоминания пробудили в ней лучшие чувства к Эдварду, и она приняла его со всем своим радушием. Естественно, что мужчина, влюбленный в ее дочь, с долей симпатии относился и к ней самой, и миссис Дэшвуд ответила ему тем же. Через несколько минут от его застенчивости и холодности не осталось и следа, и Элинора была рада увидеть его прежним. Его влюбленность вновь пробудилась, интерес к их благополучию стал неподдельным. Но сам мистер Феррарс был похож чем-то обеспокоен. Он похвалил их новый дом, восхитился красотой окрестностей, был вежлив и учтив, но всё же казался встревоженным. Это заметили все, а миссис Дэшвуд решила, что причина всему многочисленным поручениям его матери, которые непосильным грузом легли на плечи Эдварда. Поэтому, при первой же возможности она не преминула высказаться об эгоизме некоторых родителей:

– А чем занята сейчас уважаемая миссис Феррарс, Эдвард? – спросила она, когда обед был окончен, и все расселись у камина в гостиной. – Всё еще мечтает увидеть вас великим оратором?

– Нет, я надеюсь, что моя мать теперь убедилась, что таланта к политике у меня нет.

– Но, как вы планируете сделать карьеру, не вкладывая средств, не заводя связи, не получив профессии? Это ведь практически невозможно.

– А я и не пытаюсь сделать карьеру. Моё единственное желание, чтобы как раз этого и не произошло. И у меня нет ни малейшего желания прославиться. Слава Богу, я не наделен гениальностью или красноречием!

– У вас совершенно нет амбиций. Я знаю. Ваши желания более разумны.

– Также разумны, как и у большинства живущих в этом мире. Я надеюсь только, что буду счастлив, но, как каждый из нас, обязан идти к счастью только своим путем. Знаменитость помешала бы моему простому человеческому счастью.

– Удивительно было бы, если б помогла, – сказала Марианна, – Как могут богатство или величие сделать нас счастливыми?

– Величие в некоторых случаях может способствовать счастью, – сказала Элинора, – А сбережения уж точно никому еще не мешали.

– Элинора. Ради приличия, не говори так, – сказала Марианна. – Деньги могут обеспечить счастье только там, где нет любви и быть не может.

– Возможно, – сказала Элинора, улыбаясь, – что мы к этому еще вернемся. Давай сравним, что каждая из нас понимает под словом «деньги» и «сбережения». Что ты понимаешь под словами «хорошие деньги»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.